

Сергей Герасимов

Власть подвала

Сергей Владимирович Герасимов

Власть подвала

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156356

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	14
4	21
5	27
6	30
7	33
8	46
9	51
10	55
11	63
12	68
13	72
14	78
15	85
16	92
17	96
18	105
19	110
20	115
21	119
22	125

Сергей Герасимов

Власть подвала

Часть первая

ТЬМА В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ.

1

Подходя к дому, я увидел летящего человека. Он летел, как мне показалось, прямо над моей головой, растопыбив руки и совершенно беззвучно. Мгновенье замерло, как будто освещенное фотовспышкой. Мне даже показалось, что он завис и не движется. В его позе не было ужаса или напряжения, он напоминал любопытного ныряльщика над морским дном. Еще секунда – и он грохнулся в кусты между деревьев и стал невидим. Вечер струился теплым ветром; мирно вращались стрижи; пульсировала тихая музыка из окон. Я посмотрел вверх. Наверняка он выпал из одного из верхних этажей.

Подходили люди: молодая пара, пьяница, лицо которого плавно перетекало в нос неестественной бледности, женщина с младенцем неприятной наружности.

Неприятной наружности – это относится к ним обоим.

Еще пара непримечательных мужчин. Мужчины раздвинули колючие кусты и мы увидели полуголое тело, с виду совсем целое.

Мертвый человек стоял на корточках; голова была опущена. Он свалился прямо в куст и теперь ветки не давали ему упасть. Загорелая очень худая спина, ни жира, ни мышц; отенок загара серый, землистый, нездоровый. Какая разница, здоровый или нет? – теперь это тело, возможно, еще теплое, не имело никакого отношения к здоровью. Вот так мы живем и вот так мы умираем. Секунда – и кто был всем, стал ничем. Или по-другому: кто был никем, тот стал ничем. Может быть, движение крови еще не совсем прекратилось, еще сокращается кишечник, проталкивая пищу, бывшую с утра такой вкусной, еще растут волосы и ногти, еще бурлит в крови бешеный всплеск адреналина, еще мозг, задыхаясь, глотает последние пузырьки кислорода, а душа уже говорит последнее «прощай» своему брэнному обиталищу и расправляет онемевшие крылья для полета. Самое сложное создание природы, вершина творения начала превращаться в прах. Кто-то уже вызвал милицию.

Милиция явилась быстро и меня попросили остаться, чтобы что-то подписать.

Эксперт осторожно ощупывал тело, приподнимал конечности, диктовал фразы о невыраженном пока трупном окоченении, о предполагаемом времени смерти и прочее в том же духе, а я думал о том странном обстоятельстве, что эту

смерть я ждал и почти что мог предсказать, хотя не знал ни усопшего, ни событий его жизни. Это довольно трудно объяснить, но, если вы встречались с подобными феноменами, вы меня поймете.

Все началось дней десять или двенадцать назад. Символы этой, в то время еще будущей, смерти начали просачиваться в мою жизнь. Первое, что я могу вспомнить – это уличная выставка картин, где я оказался совершенно случайно. Одна из картин изображала именно это мертвое тело, то есть, предсказывала будущее почти на две недели вперед. Я умею запоминать образы, это часть моей работы. Я совершенно уверен, что десять дней назад на картине неизвестно какого художника я видел именно это тело, именно в этой позе; я видел именно этот больной оттенок кожи, именно этот вечерний свет в колебании зеленоватых теней. Картина называлась «молящийся в траве» или «молитва среди трав». Что-то в этом роде.

Еще тогда я остановился и обратил внимание на чуть неестественную, какую-то болезненную позу склоненного тела, странный выворот локтей и ступней. На удивительный, гипнотизирующий оттенок зеленого цвета. Именно этот оттенок зелени сейчас создавали проблески вечернего солнца сквозь неплотную листву молодой березки. Я попытался вспомнить детали той картины: засыхающие высокие ветвистые травы, скорее осенние, чем летние, цветная мутность по краям, и в небе, за головой молящегося, висит блестящая ме-

таллическая сигара, ярко освещенная заходящим солнцем. Неопознанная летающая чепуха. Вот и все. Я скорее поверю в деда мороза, чем в летающие тарелки.

Но после картины было и многое другое. Вскоре какая-то наша дальняя знакомая попала в реанимацию, от того, что решила разобрать стену, а на нее свалился потолок. В тот же день было сообщение в новостях, о том, что в Израиле обрушился банкетный зал и десятки людей погибли. Еще тогда я обратил внимание на совпадение. Все эти дни в нашем районе было много похорон, так много, что засохшие пионы сейчас вяляются почти на каждой улице. Позавчера одна женщина рассказала о том, что в детстве пробовала выпить яд, а вторая сообщила, что пыталась выброситься из окна. Снова из окна. Я подслушал этот разговор случайно и он не давал мне покоя, потому что события явно разворачивались в сторону смерти, смерть проступала в каждой детали, она была во всем и везде, как сырость в подвале или запах свежести после грозы. Что-то должно было случиться.

Кто-то должен был умереть. Я не преувеличиваю. Замечать подобные вещи – моя профессия.

Эксперт попросил подписать бумажку и я подписал. Долго искали простынь, потом положили на нее тело. Тело было холодным и отвратительным на ощупь. Было в нем что-то лягушачье. Что-то тоскливое. Мертвое запрокинутое лицо напоминало кожистую морду черепахи. Странно, но никаких внешних следов падения и удара.

Когда мы клали тело в кузов, из полуоткрытого рта хлынула черная кровь. Как будто что-то порвалось там внутри.

Все события в мире имеют не только причинную, но и символическую связь. Не знаю как вы, а я в это верю. Чего стоят одни только словесные совпадения:

Чернобыль и черная быль. Вы можете найти множество таких примеров. Названия мест часто предсказывают события этих мест. Имена людей часто отражают их характер.

Судьба играет мелодии наших жизней, ударяя по клавишам красивых совпадений.

Шесть лет назад я еще был женат. Окончательный скандал, который привел к разрыву, начался из ничего: мне в руки попал вкладыш от магнитофонной кассеты, я его повертел в пальцах и одна из полосок отклеилась с края. Мои пальцы действовали сами собой – так бывает, когда ты крепко задумаешься и имеешь в руках мелкий предмет. Итак, я задумался и мои пальцы вертели бумажный вкладыш от кассеты. Ситуация вполне безобидная, кажется безобидной, но из нее получился скандал и развод. Мои пальцы оторвали полоску и она оказалась клейкой. Потом они захотели ее наклеить и наклеили сразу, так быстро, что интеллект не успел включиться и помешать. Так как полосочка была белой и почти незаметной, я наклеил ее на белые обои возле себя – уже наклеивая, я подумал, что снять не получится, потому что она оторвется вместе с обоями. А через пару часов моя благовер-

ная нашла настенный календарь с фотографиями пошлейших актрис, разорвала на листочки и захотела повесить на стены. Она прилепила эти листочки скотчем на белые обои, а потом я заставил ее снять – но обои отрывались вместе со скотчем.

Точно так же, как они отрывались с клейкой полосочкой от кассеты. Десять лет в комнатах никто не портил обои и вдруг это было сделано дважды в течение двух часов и сделано одинаковым способом. Причем мы это сделали независимо друг от друга.

На первый взгляд кажется, что это мелочь или вообще ерунда. Но слишком мала вероятность совпадения. Вероятность совпадения практически равна нулю. Что это было? – просто клавиша, по которой ударила судьба. Ударила – и моя жизнь развернулась на сто восемьдесят градусов. Эти клавиши обычно невидимы, до тех пор, пока они не звучат. Порой невидимы и после того. Телефон.

Зазвонил телефон.

– Да. Я не выезжаю на дом. Нет, это принципиально. Нет, деньги здесь не причем.

На том конце положили трубку.

Вообще-то, ничего принципиального не было. Я не выезжаю на вызовы, но можно было бы и изменить своей привычке. С самого начала я считал вызовы опасной работой и всегда отказывался, но за пять лет ничего экстраординарного не случилось. Можно было бы и съездить.

Все началось с того, что пять лет назад я разместил в газете такое объявление:

«Сильный экстрасенс оказывает срочную помощь в бизнесе. Оплата после достижения результата. Десять процентов от дополнительно полученной прибыли.

Анонимно. Вероятность успеха – семьдесят два процента.»

Сильный экстрасенс это был, конечно, я. А объявление – это мой способ разбогатеть. Дарю этот способ вам. Можете попробовать. На самом деле я был таким же экстрасенсом, как и марсианином, хотя и читал кое-что из эзотерики.

Предполагалось, что вся моя помощь будет заключаться в некоторых чисто условных магических действиях, в которые я, честно говоря, абсолютно не верил. Короче говоря, клиент обращается ко мне и я творю некоторые заклинания, создавая видимость работы. Но в любой ситуации есть вероятность успеха. Эта вероятность будет больше, если человек действительно поверит мне – сработает сила внушения.

Даже если я буду получать деньги только один раз из десяти, это могут быть большие деньги. Все-таки десять процентов. А если не получится, то я ведь обещал всего лишь семьдесят два процента успеха. Вначале я даже не верил, что кто-то позвонит. Но звонить начали сразу. Вот. Снова телефон.

– Да, я понимаю, что дело жизни и смерти. Нет, не надо. Оплата всегда десять процентов. А какая вам разница? Нет, если вы не заплатите в мне случае успеха, то любая польза

быстро выветрится, все нужные результаты исчезнут. Да, я совершенно уверен. Если бы это было иначе, я бы уже умер с голоду.

На другом конце стали невразумительно объяснять, что дело идет об очень большой сумме, ну, просто, вы не понимаете, насколько большой, поэтому десять процентов...

– Я не торгуюсь. Если я вам не подхожу, обратитесь еще куда-нибудь...

Хорошо, я приеду.

Это был кирпичный двухэтажный дом на окраине. Меня провели в большую комнату, всю зеленую из-за громадного аквариума во всю стену. На диване лежала очень бледная немолодая женщина в дорогом халате и прерывисто дышала.

– Это она. Смотрите, спрашивайте, берите все, что вам нужно.

Это сказала моя спутница, с виду очень деловая бестия, уныло покрашенная, коротко стриженная, в темных очках, наверняка жутко богатая. И уж точно сволочь.

Но таких я видел немало. Дело не в ней. Дело в обстановке смерти. И в этих зеленых трепещущих тенях, которые я уже видел сегодня, всего два часа назад; эти же тени пробежали по спине остывающего человеческого тела, лежащего в кустах.

– Что вы хотите от меня? – спросил я. – Я не лекарь.

– Она должна жить.

Всего лишь. Всего лишь жить. Как будто бы жить – это так мало. Подарить жизнь, как будто бы ты господь бог.

– Тогда уберите аквариум. Разбейте, слейте, наполните шампанским или газировкой, делайте все что угодно – лишь бы исчез этот зеленый цвет и свет.

– Это поможет?

– Если еще не поздно.

– Хорошо. Вам нужно еще что-нибудь?

– Информация, – сказал я, – любая, кроме той, которую нельзя разглашать. Я не хочу знать чужих тайн. И не слишком на меня надейтесь. Я даю успех в бизнесе, а не спасаю жизни. Я не лекарь.

– Меня зовут Элиза, – представилась она. – Выйдем отсюда. Как мне называть вас?

– Магистр, – ляпнул я. Кажется, сошло.

Мы вышли в соседнюю комнату; это был лакированный деревянный кабинет, отчего-то пахнувший срезанными цветами, впрочем, довольно уютный из-за тяжелых портьер, излучавших тишину. Здесь каждое слово звучало отчетливо и громко – с интонацией вилки, неожиданно упавшей на пол.

– Так вот, господин магистр, эта женщина выпала из окна.

– О господи!

– Это вас шокирует?

– Да, это многое меняет.

– Но она мне очень нужна. Мне нужно, чтобы она заговорила. Пусть она не проживет долго, но пусть она заговорит.

Ах вот оно в чем дело.

– Вы хотите, чтобы она умерла, после того, как все скажет?

– Если бы так случилось, это было бы окей.

И она улыбнулась милой улыбкой заговорщицы.

– Я не могу причинять вред.

– Но, магистр, за хорошие деньги можно причинить все что угодно... Все зависит только от количества. Никто ведь

не просит вас ее убивать.

– Нет, это принципиально, – возразил я. – Я никогда не наношу вреда.

– Я вас могу заставить.

– Это не пройдет.

За стеной раздались несколько громких вскриков. Моя собеседница прислушалась, встала, вышла из комнаты, вскоре вернулась с микроскопической чашкой кофе. От кофе я отказался.

– Почему же не пройдет? – наивно удивилась она и медленно взмахнула ресницами. – Всегда проходило до сих пор.

– Любой вред, который я причиню, обернется против заказчика, то есть, против вас. Причем он будет усилен и я не знаю даже во сколько раз. Я над этим не властен и никто не властен. Просто такова природа вещей.

– Сейчас я вам почти верю. Природа вещей, природа вещей... – сказала Элиза, – верю потому что, как только убрали аквариум, она открыла глаза. То есть, не убрали, а наполнили минералкой, по вашему совету. Все окей. Она скажет теперь все что нужно. Мы до вас вызывали врача, и очень хорошего врача.

Он почти что друг нашей семьи. Знаете, что он сказал? Он сказал, что уже нет силы, которая заставит ее очнуться и заговорить. У нее поврежден спинной мозг в шейном отделе. И теперь она все равно умрет, хоть с вашей помощью, хоть без.

Какой будет ваш гонорар?

– Десять процентов.

– Десять процентов это слишком смешная претензия. Вы не знаете, о какой сумме идет речь. Я дам вам триста долларов. Это неплохо за несколько минут работы.

– Я не возьму этих денег.

– Неужели?

Наверное, не зря я не ездил на вызовы. Почему-то всегда случается так, что судьба, прождав годы, подставляет тебе подножку в самый неожиданный момент. Эта трясина начала меня засасывать.

– Я беру или десять процентов или ничего. Но если я не беру ничего, тогда любое благо, которое я вам дал, вскоре исчезнет или обернется вредом.

– Ой, только не надо меня пугать! – высказалась Элиза и на секунду превратилась в сявку из подворотни. То, кем мы были, всегда остается с нами. То, кем мы были, никогда нельзя спрятать до конца. Пожалуй, в возрасте лет пятнадцати или шестнадцати она очень удачно залезла в постель к богатому негодяю и тот вытащил ее из грязи и подарил внешний лоск. Но сущность осталась той же.

Какими бы деньгами она ни ворочала сейчас, все равно она останется мелкой шпаной, вульгарной курицей в золотой клетке самомнения.

Она проводили меня к воротом.

– Да, по поводу вреда... Если вы попытаетесь причинить

вред...

– Это не я. Это закон возмездия, одинаковый для всей все-ленной. Я тут ничего не могу сделать.

– Хорошо. Если ваш закон возмездия попробует причинить нам вред, то мы заставим вас весь этот вред исправить. Подумайте над этим и поколдуйте там у себя дома, на досуге. Молитесь кому вы там молитесь, чтобы для вас все закончилось хорошо. Или вы все-таки возьмете деньги?

– Нет.

– Тогда я их рву. Вот так. Что теперь?

– Порвите их еще раз.

Она разорвала три банкноты на мелкие клочки.

– Что теперь?

– Не знаю, что теперь, – ответил я, – это впервые в моей практике. Но закон возмездия вы обманули. Это точно. Честно говоря, мне понравилось. Это был высокий класс. Вы рвали их от души и без малейшего сомнения. Я бы так не смог.

Последние мои слова были приемом техники безопасности. Когда женщина начинает выходить из себя, ей нужно льстить, особенно, если эта женщина зла, злопамятна и имеет хотя бы какую-то власть. Надеюсь больше не встречаться с этими людьми.

Я шел домой. Темнеющее небо прочерчивали грациозные летучие мыши. Одна из мышей сбросила жука прямо на мое плечо. Поделилась добычей с собратом. Есть в этих тварях

что-то потустороннее. Как и во мне. Тьфу.

Облака лежали, красные, белые и фиолетовые, лежали с таким видом, будто им вообще нет дела до земли. Они просто купались в свете и наслаждались игрой красок. Было в них нечто абсолютное. То же самое было во всех больших и во всех маленьких вещах: в далеких высоких домах на горизонте; дома прокалывали синий воздух спицами огоньков; в словах, которые доносятся издалека, хотя сказаны тихо; в самой тишине, которая звучит стерео, в которую вплавлены все мелкие звуки будто в глыбу зеленоватого стекла; в моих шагах и в травинке под ногой; в запахе цветов и в шуме воздуха, вдыхаемого через ноздри, воздуха наполненного цветами. Абсолютное было в природе и было во мне, но его совершенно не было в людях, изредка попадавшихся по пути. Вот какой-то еврейский мальчик вырывает пиджак у мужчины, с виду полного пропойцы, вот масляная рожа сидит за столиком, вот беседуют две подруги, выхоленные и глупые как фламинго, вот идут просто люди и ничего иного про них не скажешь. Они просто люди и просто идут, они не принадлежат спокойствию вечера, они напоминают заводных кукол, которые умеют делать двести разных простых вещей и пружина заведена лет на семьдесят. Не более того. Я не похож на них.

Я всегда был не похож на них. Я иной крови. Если бы мне сказали, прямо сейчас, что я марсианин, я бы не удивился. Хотя нет, я родился здесь; этот вечер родной для меня. Я

люблю землю во всех ее деталях, мелких и больших, хороших и не очень. Я люблю все, в чем звучит мелодия абсолютного, потому что она звучит и во мне. Но я не люблю людей, по крайней мере, большинство людей.

Не люблю, потому что они конечны, как математический отрезок. Они одномерны, что бы они о себе ни мнили. Настоящих людей, похожих на меня, я встречал очень редко – и они как раз не были полностью людьми. Только людьми. В них было нечто космическое. В них не было дна и не было стен, как нет и во мне.

Я с детства страдал от своей непохожести. Трудно сказать, в чем она выражалась, она просто была, ее нельзя было выразить в словах, но окружающие ощущали ее сразу же, шестым чувством. Я был чужаком всегда и везде, в любом стаде и в любой стае. У меня были приятели, но не было друзей. Я не выделялся ни талантами, ни успехами, но каждый кретин пытался меня обидеть, так, будто я оскорблял его своим существованием. Во всех компаниях меня быстро вычисляли и начинали сторониться. Я ни разу в жизни не встретил родственную душу – хотя видел издалека подобных мне и даже сталкивался, но как-то по касательной. А женился лишь от тоски и потому, что стал сам себя считать ненормальным.

Развелся, когда убедился, что ненормальны они, а не я. Я всегда знал, что способен на нечто большое, даже на великое. На великое открытие, например. На великое деяние. На великую аферу. Способен на что-нибудь абсолютное.

– Почему вы зажгли свечу?

– Я не люблю электричества, – ответил я.

– Да, я понимаю, мистика требует обстановки.

Ну надо же, он понимает.

– Никакой мистики, только физиология. Мои глаза устроены так, что темнота им приятна. Я предпочел бы посидеть бы вообще без света. В темноте становишься откровеннее. Ты же хотел мне что-то сказать?

Странный посетитель поджидал меня прямо у дверей квартиры. Кто-то дал ему мой адрес. Он заявил, что дело столь важное, что я просто обязан его впустить.

Многие так думают. Если у них проблема, то я им что-то обязан. Сначала я решил его прогнать, но потом он мне понравился. Он был маленького роста, очень юн, с совсем детскими усиками и детской наивностью в голосе. Жуткий романтик, не имеющий представления о реальности.

– Мне говорили, что вы можете все, – заявил он.

– Не все. Я не могу нарушать законов природы. Они для меня так же святы, как уголовный кодекс для прокурора.

– Так, значит, вы ничего не можете.

– Ну как сказать... В свое время я научился делать вещи, которые стоит назвать чудесами. Если я делаю заклинание и в этот момент стол взлетает в воздух – что это, телекинез или

магия? Это просто чепуха. Стол не может взлететь в воздух от заклинания, потому что при этом нарушатся все физические и математические законы нашей вселенной. Но если я произношу заклинание, призывающее дождь и действительно начинается дождь, то это не противоречит никаким законам. Это просто удачное, невероятно удачное совпадение. А совпадения не запрещены. Можно произнести заклинание, от которого у твоего врага случится сердечный приступ, а можно такое, от которого прекрасная дама воспыхает к тебе любовью, можно и такое, от которого твой босс решит повысить твое жалование. Поэтому заклинанием можно убить, а можно заработать деньги.

Можно сделать и многое другое, не нарушая при этом ни одного закона природы.

Все это можно списать на удачу. Просто я научился делать такие вещи. Это понятно?

– Понятно.

– Ну ладно. У тебя проблема и ты хочешь ее решить. Но денег у тебя нет.

– Ну...

– Я не Шерлок Холмс. Достаточно посмотреть на твои туфли. Если у тебя нет денег, то как ты будешь платить?

– Как-нибудь иначе, – предположил он.

– Ты же не девушка, чтоб предлагать тело.

– А если душу?

Как быстро они готовы продать душу. Продать кому угод-

но. Обменять на все, что угодно, на то умозрительное благо, которое, может быть, и не благо вообще.

Они ведь ничего не знают в жизни. Жизнь для них — лишь игра идей, но не тяжелая вещественность безразличных предметов. Что мне с того, что все богатства приобрету, а душу свою потеряю? Это еще не худший вариант. Есть такие, которые не так уж много приобрели богатств, а душу уже потеряли; а есть такие, которым она не была дана самого начала и большинство из них не приобретут даже крохи души в течение всей их тускло катящейся жизни.

— Душа, душа. Она есть не у каждого. К тому же, качественная душа обычно не продажна.

— Так вы согласны?

— Немного ошибся адресом. Тебе нужно к богу или дьяволу. С душами работают они.

Сейчас он скажет что-нибудь совсем несуразное.

— Попробуйте угадать, что мне нужно.

— Что-то несуразное.

— Наоборот. Я хочу спасти свою страну, — сказал он.

— Это именно то, что я имел в виду.

— С вашей помощью.

— Я не занимаюсь политикой, — ответил я.

— Но ведь это благородное дело.

— Конечно.

— Я хочу чтобы у нас была подлинная демократия. Это не нарушает законов природы, значит, вы можете на это повли-

ять.

– Именно в такой формулировке? «Подлинная демократия»? Ты уверен?

– Да.

– Тогда послушай такую вещь. В свое время были длинные плети и длинные палки, которые назывались длинниками. Если этими орудиями били человека достаточно долго, он обязательно не выдерживал и говорил правду. Поэтому слова «подлинная правда» означают правду под плетью. А подлинная демократия это демократия под длинной плетью. Ну, ты понял. Допустим, если бы я имел такую силу и смог сделать то, что ты просишь; допустим, я сотворил бы нужное заклинание и подлинная демократия, наконец, воцарилась бы в стране – это было бы совсем не то, что ты думаешь. Это бы получился пыточный режим. Со словами нужно быть осторожным – как с минными полями. Или как с людьми. На каждом слове маска и под ней следующая маска, и только под последней маской настоящее лицо. Ты об этом не знал?

– Нет.

– Знаешь, что отсюда следует? Извини меня, но наша страна гибнет не от отсутствия демократии, а от отсутствия культуры. Причем не только наша, но и другие.

– Ну хорошо, давайте сменим формулировку. Настоящая демократия или самая лучшая демократия.

– Ты видишь, есть много вещей, которых ты не знаешь. Но есть также очень много вещей, которых я не знаю. Я тоже

могу ошибиться. Поэтому я не лезу в политику и никогда не полезу. Хочешь совет? Поезжай в село и попробуй поработать руками, поработать на земле – так, чтобы себя прокормить. Ты сразу поймешь то, чего не дадут никакие книги. Беда всех наших революционеров была в том, что они никогда не работали. Они лишь читали книжки и сидели по тюрьмам.

– Тогда понятно.

Он собрался уходить.

– А как же плата за мое потраченное время?

– Превратите меня в фикус.

– Хорошая идея. Я превращу тебя в растение. И даже заплачу.

Он сразу остановился.

– Сколько?

– Так, чтобы ты не умер с голоду и еще столько же, по окончании эксперимента. Это продлится месяца два.

– Вы серьезно?

– Нет, конечно. Ты будешь растением в фигуральном смысле. Я снимаю квартиру, где ты будешь жить. Даю собаку, о которой ты будешь заботиться.

Телевизор, ванна, кухня, правда, маленькая и комната всего одна. Единственное мое условие, чтобы ты прожил эти два месяца растительной жизнью: ничего не предпринимал, ни к чему не стремился, никогда и ни в чем не проявлял инициативы.

Проверить я не смогу, поэтому для такой работы нужен

честный человек. То есть, непрактичный глупый идеалист.

– Я согласен.

– Подумай, вдруг я хочу вырезать твои внутренности для продажи или, скажем, для шабаша.

Он улыбнулся.

– Я тоже умею видеть людей насквозь. Вы такой же непрактичный идеалист, как и я. Вы не сумеете зарезать даже цыпленка. И все-таки, зачем это нужно?

– Вот это тебе нельзя знать.

На следующее утро я попытался достать собаку и убедился, что это не простое дело. На рынках продавали только щенков, некоторых недорого, а некоторых даже за странную, по моим понятиям, цену. Чем дороже была собака, тем более похожей на своего хозяина она казалась. Толстые лохматые и рыжие пятисотдолларовые щенки продавались только толстыми лохматыми и рыжими пятисотдолларовыми старухами. Меньше чем на пятьсот старухи не смотрелись. Я никогда в жизни не интересовался собаками и ничего о них не знал. Сейчас мне нужна была взрослая собака, очень большая, очень умная и очень послушная. К трем часам дня я такую нашел.

Ее продавал низкий полный мужчина лет сорока пяти. Собака сразу привлекла мое внимание. Это был большой и, видимо, старый дог. Во всяком случае, на его морде пробивалась седина. Могучее животное со спокойным и уверенным взглядом.

Собака вначале посмотрела мне прямо в глаза, затем отвернулась и больше мною не интересовалась.

– Продаете?

– Отдаю дешево.

– Почему дешево?

– Даром досталась, пусть даром и уходит. Только никто не

хочет брать.

– А что такое?

– Нет, я конечно, могу и не говорить, но пусть все уже будет честно. Не нравится мне эта собака. Да, Дина, я про тебя. То есть, она конечно хорошая, очень культурная, всегда слушается, что не скажешь. Раньше у меня был боксер, такой дурень, всегда открывал холодильник и выворачивал на пол. Эта тварь благородная. Никогда ничего плохого она не сделала, это точно. Но с ней страшно. Особенно ночью. У нее бывает такой странный взгляд... Мне конечно до лампочки, ну почти до лампочки, а у жены истерики. И у тещи истерики. Они меня достали, продай и все, говорят. Ну, знаешь, и я сам уже не против. Только никто не берет. Разве что на цепь посадить.

– Какой может быть странный взгляд ночью, – возразил я, – ночью глаз не видно.

– Зато днем видно. Поэтому мне не нравится, когда она смотрит на меня ночью. Видите, каким котенком она сейчас лежит. Она же все понимает и притворяется. А вообще-то ей все равно. Меня она не любит и никого не любит.

И вас она любить не станет. Вы видели когда-нибудь собаку, которая никого не любит? И никого не ненавидит? Вам для охраны?

– В некотором роде.

– Ну смотрите сами. Договоримся дешево. Ну чтоб потом без претензий.

Обратно не возьму.

– А она меня послушается?

– А вы попробуйте.

Я попробовал скомандовать, но собака меня не слышала.

– Вот то же самое было и у меня, – сказал продавец. – Но как только она поняла, что хозяин я, стала слушаться беспрекословно. Это я гарантирую. С послушанием проблем не будет.

– А если будет?

– Если будет, вот вам мой телефон. Это семерка, а не единица. Звоните в любое время, но лучше вечером. Конечно, никаких документов на нее нет.

Формально, это просто дворняжка. Поняла, млекопитающая?

Млекопитающая встала и позволила прицепить поводок. Все это время она была в наморднике. Я подумал, что с таким зверем нужно быть осторожным. Хотя глаза умные, слишком умные. Такая не станет бросаться на людей.

Это случилось еще до начала моей карьеры, очень давно, двенадцать лет назад.

Однажды я играл в карты. Был обычный душный вечер при свете ламп, ничто не предвещало события, которое изменит мою жизнь. Вдруг мне начало везти.

Вначале я удивлялся тому, что так невероятно идет карта. Потом все удивились – этого просто не могло быть. Через некоторое время, когда я выиграл достаточно, я стал бросать карту вообще не думая, случайно, и всегда это была нужная карта.

Мне стало настолько интересно, что сам выигрыш стал не обязателен. Я поспешил и вытащил пальцами короля вместо дамы, но это оказалось не ошибкой, а тонкой комбинацией. Я начал специально бросать не ту карту – карту, которая не могла выиграть, и оказывалось, что мои комбинации были самыми правильными, как будто я видел все карты своих противников и в добавок рассчитывал ходы как мощнейший компьютер. Это продолжалось примерно полтора часа. Примерно – потому что я не заметил точно, когда начался этот процесс. Но уже спустя несколько минут я был уверен, что такие вещи стоит изучать и можно изучать.

С этого момента я начал превращаться в то, что я есть сейчас. Я начал превращаться если не в мастера, то хотя бы

в профессионала. В того, кто умеет творить чудеса.

Человечество подчинило себе громадные силы природы: от силы пара до силы атомного ядра, но одна мощнейшая сила, которая всегда была рядом с нами, оставалась невооруженной, невидимой, вездесущей. Когда-то люди не знали о существовании воздуха только потому что воздух невидим – так обстоит дело до сих пор и с этой силой. Я имею в виду силу удачи.

Я записал точное время случившегося и стал ждать повторения. Мне нужно было контролировать свое везение круглосуточно и ежедневно, а для этого карты не подходили. Поэтому я сделал талончики с цифрами от одного до десяти и около сотни таких талончиков бросил в коробку. Каждый час, и днем и ночью, я опускал пальцы в коробку и вынимал три талончика; я считал полученные очки и старался вытянуть как можно больше. Следующий, второй, всплеск удачи я получил через сто девяноста часов. Третий – еще через 189. Затем через 192.

Оказалось, что секрет очень прост. Полосы удачи случаются с нами примерно каждые 190 часов. Вначале идет очень бурный всплеск везения, всего минут на двадцать, затем начинается постепенный спад и он длится около часа, иногда больше или меньше. К сожалению, невозможно точно предсказать начало удачной полосы: удача всегда смещается на час или два вперед или назад. Я так и не узнал, от чего это зависит. Это как погода на завтра – никогда не угадаешь.

Между двумя светлыми полосами обязательно есть одна черная. Она может случиться в любое время, но чаще происходит на семидесятом или восьмидесятом часу. Она длительна, она как будто размазана во времени. Иногда она расплывается как туман, иногда проходит сквозь дни черным пунктиром. Вы представляете, какую силу я вам даю?

Все описанное здесь, не выдуманно. Это не просто небылица, изобретенная для вашего развлечения. Это реальный факт. Это закон природы. Вы можете повторить мои эксперименты – и получите те же результаты, что получил и я, какими бы фантастическими результаты ни казались. Пусть это кажется чудом, но это возможно. И это совсем не сложно. Подобные вещи всегда лежали у нас прямо под носом, но мы их не замечали. Я даю эти чудеса вам, пользуйтесь, если сумеете.

В принципе, я даю вам громадную силу. Если вы не слишком ленивы и не слишком недоверчивы, то вам эта сила пригодится.

Когда я узнал все о полосах удачи, когда я смог их предсказывать и контролировать, мне показалось, что я знаю все. Правильно планируя свое время, можно поймать удачу и не отпускать ее. Чего еще можно желать? Но потом я добился гораздо большего. И узнал о том, что силы, с которыми я начал игру, могут быть не менее опасны, чем сила пара или сила атомного ядра.

В то время она была очень молодой, пятнадцатилетней. Рыжеволосой, плотной, улыбчивой, хорошей, совсем непохожей на единственную фотографию, сохранившуюся у меня. С русским лицом и нерусской фамилией. Всегда, когда я вспоминаю ее, в моей памяти солнце: солнечное утро начала мая; солнечный осенний день, такой желтый, что хочется стать совсем маленьким и вшуршаться в кучу пересыпчивых листьев; или просто больное, мутно-красное солнце за окном автобуса, висящее над плоским и пустым, будто тундровым горизонтом, и никак не желающее зайти за него.

Все устали, автобус возвращает нас домой, над полем летит голодная птица, вскрикивает на лету, конец сентября. Да, ее звали Наташей.

Мы расстались, оставив друг другу адреса (я специально меняю кое-что в этой истории – извинение для тех, кто помнит правду) и больше не встречались.

Последний раз я видел ее в конце мая, числа двадцатого, на пышной, но простецкой выставке серых в крапинку ПТУ, которые зазывали к себе школьных неудачников.

Выставка занимала центральную аллею центрального парка и не была интересна ничем, кроме, пожалуй, самого факта превращения широкой аллеи в узкую. Выставка была воскресной и строго предписанной к посещению, но из двадца-

ти предполагаемых школьников ее посетил едва ли один: самый прилежный, самый бестолковый, самый близкоживущий, самый скучающий, или тот, кто имел здесь некоторые, отличные от предписанных, ориентиры. Такие ориентиры у нас имелись.

Мы постояли у входа в парк, ожидая, затем прошлись по аллеям – я помню сухой цветной бумажный шелест, вкус леденца и клейкий запах широколистой весны, к которому еще не привык и которому рад, – потом зашли на стадион, поздоровались с кем-то многочисленным и отправились гулять. Гуляли мы долго, потому что солнце в моих воспоминаниях поднялось над домами, стало светить сверху и сзади, потом припекло, устало от стараний и начало пыльно оседать. Мы гуляли просто так и держась за руки, и одно время под ручку (с ней была подруга, умная девочка в темной форме, форму тогда еще носили, высокая, с лица необщим выраженьем, умеющая быть злой и умеющая постоять за себя; сейчас подруга превратилась в озабоченную женщину, которую проза жизни изменила настолько, что нужно хорошо всмотреться, чтобы увидеть остатки поэзии). Мы покатались на канатной дороге; проехали вперед и назад в двух соседних кабинках, синей и желтой, с белыми аршинными номерами, занялись еще кое-чем, например, мороженым, а потом расстались, как я теперь понимаю, навсегда.

В следующие месяцы судьба нас с Наташей тонко разводила трижды (только те случаи, о которых я знаю наверняка):

один раз я был в лагере и на день уехал, в этот же день приехала погостить она; второй раз первого сентября по каким-то уже невоспоминаемым причинам мы должны были встретиться, но не встретились; в третий раз был выпускной вечер, на который я хотел и просто был обязан попасть, но некое озверевшее начальство меня не пустило. Начальственный идиотизм такое же удобное сподручное средство судьбы, как, например, землетрясение, забытый зонтик или не приехавший по расписанию поезд. Она тоже была уверена, что я буду и пришла, а меня, конечно же, не было. Когда появлялись другие возможности встреч, судьба отсекала их сразу же.

Я ответил на ее первое письмо. У меня до сих пор хранятся те письма, стопочкой, двенадцать штук – возможно, моя самая длинная переписка. Я храню предметы, имеющие лишь сентиментальную ценность, но не сладкогрустных воспоминаний ради, а потому, что не могу просто выбросить или потерять вещь, в которую кто-то вложил свою искренность, может быть, надежду, может быть, мечту, и, в любом случае, одно из драгоценнейших и редких человеческих чувств.

Выбросить это так же невозможно, как ударить женщину, украсть, предать, донести или поступить неблагодарно. Так же невозможно, как прихлопнуть книжкой бабочку.

Итак, я ответил на ее письмо.

Не знаю кто она сейчас, но тогда она была необычной – в том состоянии, которое переживают хотя бы раз в жизни два

человека из трех; которое у одних проходит быстро, у других растягивается на год или два (самый частый случай), а у третьих длится всю жизнь. Я бы назвал это кристаллизацией. Детство уже опало, как лепестки, и вдруг появились десятки возможностей для воплощения себя, а миллионы возможных воплощений закипают внутри. И ты понимаешь, что ты не такой как остальные, и выстраиваешь в душе хрустальные замки, о которых не можешь никому поведать – нехватает слов; и мир раздвигается – до бесконечности и дальше, намного дальше за бесконечность – так, что совсем теряешься от этой шири; мысли и чувства наступают плотными валами, сверкающими как чешуя – но рассмотреть отдельную чешуйку не удастся. Слепой всплеск души, вдруг осознавшей себя. Обычно это проходит и крепко забывается. Я бы назвал это кристаллизацией, потому что, перебурлив, человек застывает мутным или ясным кристаллом и до самой старости будет меняться лишь внешне. Тогда она была такой.

Тогда она была такой; тогда я был слишком молод, тогда я любил Ростана.

Блока и Выготского, по принципу: а девушки потом – тогда я верил в психологию.

Больше всего меня волновала так и непоставленная этой наукой проблема – проблема чуда. В том, что чудеса определенного рода довольно часты, я не сомневался уже тогда.

Я знал, что случаются совпадения: ты не встречаешь человека двадцать лет, и вдруг сталкиваешься с ним трижды

за неделю; а в следующие тридцать лет ты его тоже не увидишь. Еще я знал, что возможны вещие сны, потому что сам видел несколько. Я нашел приметы, по которым эти сны можно было отличить от обыкновенных ночных бессмыслиц. Однажды такой сон предсказал мне опоздание на работу и, проснувшись на полчаса раньше обычного, я очень внимательно собрался и проделал все утренние процедуры, и вышел из дому пятнадцатью минутами раньше, чем требовалось. Я собирался опровергнуть предсказание сна. Но, увы, я, от усердия, забыл взять проездной билет и, что совсем уж удивительно, в моих карманах не нашлось ни копейки денег; без билета меня не пустили. Пришлось возвращаться и, конечно, я опоздал – один из двух раз за девять лет. Я умел отгадывать какой стороной лежит скрытая от меня монета – орлом или решкой – даже не отгадывать, я просто это знал, не глядя. Я умел предчувствовать будущее на несколько секунд вперед: например, сейчас я знаю, что Ира К. появится, стремительная, из-за угла напротив – и вот она появилась; или я знаю, куда попадет следующий мяч в теннисе и он попадает именно туда, против всяких правил; или я спускаюсь в метро и знаю, что сейчас неживой голос произнесет «в депо» – голос произносит и электричка следует в депо. И еще я знал людей, которые видели и знали то же самое, разве что не умели отгадывать сторону монеты. Я изучил добротное руководство по теории и практике психологического эксперимента (не чета зеленому Готсданкеру для неумелых) и на-

чал ставить опыты.

О сути опытов умолчу; скажу только, что для экспериментов мне пришлось изготовить стеклянный девятнадцатигранник, размером с небольшое яйцо – так, чтобы все его грани имели одинаковую площадь. Я основательно потрудился, шлифуя стекло. В этом есть еще одна прозрачная шутка судьбы – Наташа училась на оптика и каждый раз, проходя практику, шлифовала линзы. Может быть, она и сейчас их шлифует, зарабатывая себе этим на жизнь, подобно известному философу, изгнанному за то, что смел противоречить принятому мнению.

Наша с ней переписка текла вяло и однажды прервалась. Прошел месяц, другой, третий, прошел почти год и мы достаточно крепко забыли друг друга. Мои опыты тогда уже давали результаты и обещали возможности, просто сказочные.

Теоретически, я мог воспроизвести и повторить любое чудо, не выходящее из прочных границ природных законов. Например, никаким законам не противоречит выигрыш в лотерею автомобиля сто раз подряд или то, что армия врага вдруг почувствует панику и как раз в тот момент, когда вражеский военачальник произносит заклинание с целью обратить врага в бегство. Это не противоречит ни Ньютону, ни Максвеллу, ни Ландау с Лифшицем. Так что возможностей для чудес просто хоть отбавляй. И я решил совершить маленькое прикладное чудо.

Чудо – это то, что имеет наименьшую вероятность про-

изойти, но все же происходит, на зло вероятности.

Вызывать дождь или выигрывать в лотерею я не собирался, по техническим причинам. Оставались еще такие распространенные чудеса, как влюбить в себя кого-нибудь малознакомого (потом хлопот не оберешься, да и поди разбери почему кто-то кого-то любит – трудно будет доказать свою правоту), или встретиться с кем-то, с кем ты никак не можешь встретиться. Я выбрал последнее и взвесил несколько кандидатур на весах своего безразличия. И вспомнил Наташу – она подходила больше других. С ней-то я никак не мог встретиться, после года молчания – разве что приехать прямо к ней в дом и сказать: «здравствуйте, это я», и получить в награду взгляд, которым встречают того, кто хуже татарина.

Было 18. 01. 1990. Был вечер. Я выбрал кандидатуру и сделал все, что требовалось по теории, не особенно надеясь на результат.

Да, я не очень надеялся на результат – ведь в теориях полно ошибок и, лишь постепенно исправляя их, мы приходим к совершенной отточенной точности.

Теоретически, я встречу Наташу на следующей неделе, причем не буду к этому стремиться, ни капельки. Безразличие к результату – совершенно обязательный технический прием при исполнении чуда – поэтому-то я и не верю в платные чудеса или в телепатов, содрогающихся в волевых конвульсиях. Они-то уж никак не безразличны к результату эксперимента.

Но на следующее утро я встретил – нет, не Наташу (я уже говорил об обязательной незавершенности чудес), а ее подругу. Ту самую, которая была с нами на ПТУшном празднике. Подруга появилась совершенно неожиданно для меня, совершенно беспричинно. Просто появилась. Появилась и все тут. Так просто взяла и появилась. В тот день она была в синей спортивной клеенке. В синей или зеленой? – не могу различить – на таком расстоянии у памяти легкий дальтонизм.

В синем или зеленом, шуршащем, с желтыми полосками. Мы поговорили о том, о сем, о всяком – как обычно и говорят люди, давно не видевшие друг друга. Подруга стала говорить о Наташе, и Наташа вынырнула из прошлого, улыбнулась и вошла в настоящее, взблеснула интересными искорками, приблизилась, уплотнилась, из имени стала человеком. Подруга сообщила телефон. Подруга поговорила и ушла. Чудо начало воплощаться так быстро, что я не успел удивиться. Я снова взвесил Наташу на весах своего безразличия – нет, я не хотел с ней встречаться, но и не избегал встречи. Мне было совершенно все равно – а это именно то состояние души, которое и нужно для успешного чуда. И я не собирался звонить по телефону, но уже в следующие полтора часа произошел десяток совпадений, направляющий меня в одну и ту же точку – позвони! Что-то очень сильное начинало давить, – будто из стекленеющего воздуха вырастала прозрачная рука с двупальную кровать величиной, подхватывала меня и пе-

реставляла на другую клетку. Пешка Е7 – Е6. Черная пешка приблизилась к белой. Большая рука берет пешку за круглую голову и переставляет на новую клетку, а хищные ферзи и слоны с маленькими глазками только и ждут момента, чтобы ее аппетитно слопать. Я не хочу быть пешкой, – подумал я и сделал все, полагающееся по теории, – и отменил чудо, которое уже начинало прорасти. Было девятнадцатое января девяностого года. В следующие пять месяцев я ни разу не вспомнил о Наташе.

А потом было письмо, совершенно неожиданное письмо от нее. После почти полутора лет молчания с нежного «ты» она перешла на выжидательное «вы».

Когда-то вы мне фотографию обещали, но я уверена, что напишите, что ее у вас нет. Ведь и правда! Зато я вам высылаю, только не стоит кусаться, у меня тут лицо слегка кривое, это я после аварии (меня 19. 1. 90 машина сбила) (почему она назвала точную дату???) Но вы не пугайтесь, я жива и здорова (как видите).

Ее письма – постоянное иногирование вопросительных знаков и постоянный вопрос в интонации – вопрос, на который я, уж не знаю почему, так и не ответил, мелкий, быстрый почерк с длинными прямыми палочками у Р и точно такими же у Ж и Ф, всегда наклоненными одинаково. Письма. Я посмотрел на дату – девятнадцатое января – и дата мне что-то напомнила. Умное руководство по психологическим опытам требовало вести дневник эксперимента, с размеченными

ми особым образом страницами. Сверху каждой страницы, в уголке, обязательно ставилась дата. И всегда можно узнать когда произошло чудо. Я открыл дневник эксперимента и он разорвался у меня на столе как адская машинка. Несколько минут я просто не мог прийти в себя, оглушенный. Даты совпали. Именно в тот день, когда я не захотел видеть Наташу, ее сбила машина. Именно в тот день. Именно в тот. В тот.

Судьба (или то, что за нею прячется) избрала простейший способ, чтобы помешать нашей встрече: колеса автомобиля. Для точности эксперимента была важна и еще одна деталь – в какое время ее сбила машина, но с того дня меня перестали интересовать чудеса, сминающие и выбрасывающие человека как ненужную бумажку.

Даже за истину нельзя платить такую цену.

Я пообещал себе никогда не применять свое знание и никому не сообщать секрет. Конечно же, я не выполнил обещания. Когда нагружаешь волю слишком большой тяжестью, она не сразу трогает с места – а когда трогает, ей нужно время, чтобы разогнаться. Я применил свой секрет еще раз, только раз и снова ключ мягко вошел в замок, повернулся и открыл запретную дверь – с поправкой на недостроенность чуда. И было еще одно осеннее утро, когда я едва не нарушил обещания – меня попросили спасти умирающего человека. Не знаю, правильно ли я поступил тогда.

Мы продолжали переписываться до конца года. Я знал ее телефон. Однажды зимой я все же позвонил ей, из автомата.

Помню, как гремели машины у меня за спиной и как мерзло ухо, приложенное к трубке. День был хрупким от мороза.

– Кто звонит? – спросила она и я не знал что ответить.

Я тоже не узнал ее голоса. Ведь прошло два года, больше, два с половиной года, теперь она была взрослой и совсем другой. Мы кое-как объяснились, оставшись друг для друга просто чужими голосами. Когда я вешал трубку, то уже понимал, что она никогда больше не напишет мне.

Она разделилась на двух человек, и я не знаю, который из двух настоящий.

Та Наташа, которая жила в своих письмах и живет сейчас в моей памяти – и та, которая существует, вполне реальная, плотная, оптически непрозрачная, теряющаяся в толпе, принимающая пищу три раза в день, неохотно просыпающаяся по утрам, моющая волосы, вздыхающая, вздрагивающая, зевающая, считающая деньги, которых всегда мало, имеющая неизвестных мне подруг. Каждая из двух ипостасей менялась со временем, росла, взрослела (теперь я вижу, по почтовым штемпелям, что мы переписывались два года и девять дней, с большим перерывом) и шла в свою собственную сторону. Наконец они разошлись так далеко, что я, знавший лишь бумажную Наташу и веривший в превосходство слова над плотью, не узнал ее голоса по телефону, хотя даже сейчас могу ясно представить себе ее настоящий голос. Ее собственный голос оказался ненастоящим. Наверно, та же трансформация произошла и с внешностью – я вряд ли узнал

бы ее сейчас, хотя стоит мне закрыть глаза и я ее вижу, и всегда рядом солнце – не только очень юной, какой я ее действительно видел, но и во всех фазах последующей жизни. Я могу даже увидеть какой она будет старушкой: обязательно крашеной, полной, с разумным, но тяжелым прищуром глаз, иногда веселой, но чаще серьезной и строгой, и с хрипотцой в голосе.

Умиравшее солнце будет висеть над низкими домами и столбы черными иглами будут сшивать небо с дорогой. Кто-нибудь из внуков будет побаиваться ее. Воздух будет пахнуть семечками. И даже если она будет совсем иной, я не знаю, который из двух обликов верен. Я также раздвоился для нее, – иначе она узнала бы мой голос. И я надеюсь, что тот ненастоящий образ меня, меня лучшего, чем я настоящий, все же сохранится в ее памяти, осядет, как песок на дно бассейна; прилипнет, как ракушка на днище корабля; останется нестираем, как детский шрамик на коленке.

Спустя два года я еще так хорошо помнил этот случай, что, сидя в библиотеке и ожидая книгу, написал о нем маленький романтический рассказ, все перепутав и переиначив, переврав, так перепугав правду, что вся она сбежала за тридевять земель. Рассказ был опубликован уже через десять дней. Тогда я не очень удивился, но позже мне объяснили знающие люди, что многие ждут своей первой публикации не десять дней, а десять лет, это нормально и хорошо, и что я должен быть благодарен судьбе и за то, и за се, и за то что

не. Я не собираюсь благодарить судьбу, или те силы, которые действуют поверх логики и законов. Те силы безразличны к нам и откликаются лишь на безразличный призыв. А безразличие – оружие недостойных.

Мне всегда становилось холодно, в плечах и затылке, когда я пробовал внимательно проследить по памяти и по оставленным следам одну из непройденных дорог. Жизнь – как дерево, на котором каждая ветвь хочет стать верхушкой, но, в отличие от дерева, те ветви, которые верхушкой не стали, сохнут и опадают, оставляя острые сучки; о них обязательно ранишь себя при случайном прикосновении. Сколько их было, таких веток, и – годы вставляются в памяти один в другой, как телескоп, компактности ради – кажется, что все было недавно, (есть ли фраза банальнее этой? – какой, в сущности страшный вопрос) и трудно поверить, что столько всего изменилось. Какой-то голос, не женский, не мужской и не детский, но смутно человеческий – кричит в памяти длинное ааааааа, как будто кто-то падает в колодец и при этом кричит, а колодец темен и глубокий; или кто-то безнадежно аукается, заблудившись во времени, потеряв от отчаяния даже ууууууу и не существует ни в этом, ни в том мире силы, которая могла бы ему помочь; вот так бывает.

Я вышел из комнаты на большой балкон. Была глубокая синяя ночь. Я ощущаю темноту не так, как другие люди. В детстве я никогда не боялся темноты, даже полной темноты. Честно говоря, я даже не понимаю толком, что такое полная тьма.

Я хорошо вижу в темноте. Самая глубокая ночь для меня не черная, а синяя, того сочного оттенка синевы, который я затрудняюсь передать словами. Такой синевой иногда взблескивают панцири черных жуков. Я могу различить предметы, и довольно неплохо, где-нибудь в глубоком подвале без всякого света или даже в темноте фотолаборатории. В абсолютной тьме. Впрочем, я не столько вижу, сколько ощущаю их присутствие. Слова «невидимый в темноте» для меня пустой звук. Поэтому я люблю ночь. Она прекрасна своим спокойствием и пространностью. Она струится сквозь меня. И я наполняюсь – как невод наполняется рыбой. Наполняюсь не знаю чем, но все равно, это хорошо и важно. Ночью, если я не собираюсь читать или писать, я никогда не включаю свет; я живу в темноте и мне это нравится. Когда моя жена всякий раз включала свет в кухне, вставая ночью, меня это раздражало.

Она же просто бесилась от того, что я предпочитаю свободно лавировать между предметов, невидимый ей. Она на-

зывала меня привидением, лунатиком, мяненьком и прочими приятными прозвищами. В детстве у меня бывали неприятности из-за того, что я не такой как все. Люди редко могут стерпеть то, что им непонятно. Я вышел на большой балкон.

Ночь светилась. Ночь пылала теплыми звездами и дальними огнями. Ночь припала к городу как зрачок к объективу микроскопа. Вертикальные многоэтажки стояли справа, слева, сверху и снизу, так что трехмерность пространства сразу бросалась в глаза. Редкие окна синхронно мигали и гасли в фазе с перипетиями ночного эротического детектива. Отраженный в стекле, отсвечивал голубой подъезд с женскими ногами в тапочках. Ноги повернулись и ушли.

Шестнадцатизэтажный дом за дорогой, одна из последних новостроек, был почти темен. Две трети квартир там еще пусты. В одной из квартир на девятом этаже сейчас живет наивный мальчик с огромной старой собакой. Эту квартиру я снял для него на три месяца. Думаю, что трех мне хватит с лихвой. Он не знает, зачем поселен там, и не узнает никогда. Суть того, что я собираюсь сделать сейчас можно выразить тремя словами: управление человеком на расстоянии. Я еще никогда этого не делал, но должно получиться, рассуждая теоретически. Если получится, это будет следующий скачок вперед в моем превращении в мастера. Кроме того, это будет отличная месть.

В том же доме, в коридоре того же девятого этажа живет негодяй, с которым я в свое время был знаком. Негодяй, ко-

торый уже тридцать раз заслужил мою месть.

Человек, давно ставший кошмаром для окружающих. Человек, отравляющий жизнь по меньшей мере сотне других, нормальных людей. Человек, соприкосновение с которым равно кошмару. Теперь он получит все сполна. Теперь его собственная жизнь превратился в кошмар. И главным ужасом этого спектакля буду не я, и не тот наивный мальчик с его мечтами о благе родины, а огромная черная собака. Я собираюсь разыграть кое-что похлеще чем «собака Баскервилей». Трагедия будет ничуть не менее интересной. А он еще сказал, что я не сумею зарезать цыпленка.

Конечно, я не собираюсь доводить дело до смерти. Ни в коем случае. Никто и никогда не заслуживает смерти. Это главное ограничение моей профессии. Те силы, с которыми я вступаю в контакт, могут убить больше народу, чем ядерный взрыв.

Поэтому обращаться с ними нужно так же осторожно, как с ядерной кнопкой. Я никогда не занимаюсь политикой, судьбами человеческих масс, устранением конкурентов. В этом мой небольшой профессиональный кодекс чести.

Телефонный звонок. Не жди ничего хорошего, если тебе звонят в половине второго ночи.

– Это Элиза. Меня помните?

– К сожалению. У вас снова проблема?

– У вас, а не у меня.

– Со своими проблемами я разберусь сам. До свидания.

– Подождите.

Мне не нравился ее тон. Она снова не просила, а приказывала. Таким тоном говорит малолетняя сволочь с первыми пупырышками груди в компании пьяных мальчиков с уголовными мордами. Мальчики вдоволь поиздевались над какой-нибудь несчастной жертвой и отпускают ее. Жертва уже собирается сбежать, но малолетка орет: «Стоять! Сюда!» Именно такая интонация, хотя и очень разбавленная ситуацией. Похоже, что она просто не умеет по-другому. Она умеет только приказывать и заставлять и никогда не пробовала понять, простить или попросить.

Насилие как стиль жизни.

– Почему я должен ждать?

– Вспомните ту женщину, которую вы оживили. Она умерла.

– Я так и думал. Но вы ведь получили то, что хотели.

– Нет. Она нас обманула. Она дала неверные сведения.

– И что?

– Денег нет.

– Я вас предупреждал. Никто не может нарушить закон возмездия.

– Мне нужны эти деньги.

– О какой сумме мы говорим?

– Семьдесят тысяч долларов.

– Так мало? Я думал, что речь идет по крайней мере о семи миллионах.

Семьдесят тысяч вас не убьют.

– Зато вас убьют. Если вы не вернете эти деньги в течение месяца, я удваиваю ваш долг. Если вы не вернете деньги и после этого, то не доживете до сентября.

– Я думаю, дело обстоит по-другому, – сказал я. – Если ВЫ не вернете долг за месяц, то сумму удвоят. А если ВЫ не вернете и после этого, то ВЫ не доживете до сентября. Я прав?

– За тобой все равно придут раньше, ...

Оборот речи, которым она завершила разговор, был просто потрясающ.

Когда они вошли, ничто не предвещало беды. Впрочем, мои предчувствия всегда обманывали меня: все важное происходило без всяких предчувствий, а самые мрачные и самые светлые предчувствия никогда не оправдывались. Не верьте предчувствиям, змея всегда ужалит вас неожиданно. Это я говорю вам как профессионал. Итак, они вошли.

Троллейбус был набит почти до отказа. Дышать было нечем. Двое разместились на ступеньках, а двое вплотную ко мне. Я терпеть не могу наглых подростков, но это не предрассудок – просто я не выношу вида той умственной и, главное, моральной тупости, в которой они постоянно и с удовольствием пребывают. Они нежатся в ней как свинья в грязной луже. Некоторые из них станут людьми, но сейчас от них просто несет нравственным идиотизмом. Мне не нравится этот запах.

– От это самый клещ! – говорил один, – Тут такой понт, я выплываю из-под воды и прямо сразу пяткой ему в хавальник. Он сразу откинулся.

– Ну ты царь! – поддержал беседу другой. Третий в это время задумчиво размазывал по своей шее жвачку, первоначально прилепленную за ухом.

После этого они стали отпускать друг другу оплеухи и довольно чувствительно при этом содрогаться. Троллейбус все-

таки был полон.

– Вы, педики, хватит до меня дотрагиваться! – довольно спокойно сказал мужчина, стоявший неподалеку. Двое самых дерганных стояли как раз между ним и мной. Мужчины было около сорока. Довольно красив, слегка необычен. Что-то странное в лице, сразу не поймешь. Вначале мне показалось, что он не русский, вроде помеси с цыганом, но потом я понял, что ошибся. Скандал потихоньку раскручивался. Я отвернулся к заднему стеклу. Равномерно убегала дорога, едва смоченная недавним дождем. Дождь не смягчил жару.

Он вышел на довольно пустой остановке и сразу повернул в сторону бульвара.

На бульваре сейчас не было вообще никого, хотя обычно здесь выгуливали собак.

Четверо подростков вывалили вслед за ним. Их намерения были ясны. Я не большой любитель уличных драк, но, раз на то пошло, мне пришлось выйти тоже.

Как только троллейбус отъехал, я понял, что ошибся. Из передней двери вышли еще четверо. Теперь их было восемь против двоих. Всем лет по пятнадцать. Трое худые и длинные, остальные бесформенные, с наплывами жира в разных местах. Судя по мордам, маменькины сынки. В трусах и майках, со спортивными сумками.

– Папаша, а мы тебя не звали, – тонко намекнул один.

– А я тоже не люблю педиков, – ответил я.

Место было отличным, как будто специально выбранным судьбой. С трех сторон плотные деревья и кусты, с четвертой дорога, на которой никого. Даже если кто-то появится, он не станет вмешиваться.

Последний раз мне приходилось драться лет двадцать назад и я совсем забыл как это делается. Удары посыпались градом, но я не столько разъярился, сколько удивился тому, что удары почти не причиняют мне боли. Их кулаки и кроссовки были как будто ватными. Просто они еще были детьми и привыкли драться с такими же детьми. Я примерился и влепил одному из них отличный удар куда-то в область носа. Нос сразу расплющился и на губе появилась отличная кровотокающая ссадина.

Удары сразу прекратились. Кулаки все еще летали в воздухе, но не приближались.

Стая почувствовала страх.

Один из них удалился и поднял кирпич.

– Ну и что, ты умеешь этим драться? – спросил я. – Иди, иди сюда!

С древности людям твердили: познай себя да познай себя. Познай себя невозможно. Я взрослый человек, который еще минуту назад был уверен, что знает о себе все, теперь понял, что ничего не знает. Мне понравилось. Это было чувство какого-то полужвериного, полубожественного наслаждения, и высокого и мерзкого одновременно. Мне хотелось, чтобы драка длилась, я хотел получать удары и наносить удары, я

хотел боли и хотел причинять боль. Синие молнии ярости.

Оранжевый океан гнева – я вдруг почувствовал себя таким сильным, что смог бы броситься в бой с вдвое большей стаей – и победить. Сейчас я мог рычать как зверь и рвать глотки зубами. Сейчас я был способен на любое безумие – и, кажется, они прочли это в моих глазах.

И вдруг все закончилось.

Они исчезли.

Остался только человек, лежащий на дороге.

Он приподнялся и сел. Он прижимал рукой рубашку на животе. Рука была в крови.

– Ничего, – сказал он, – только кружится голова. Если я сейчас отключусь, слушай главное: никаких врачей. Никого не зови. Это не смертельно, это заживет.

Можешь бросить меня здесь, брось меня здесь, положи и уйди. Я...

И он упал на спину.

Он оказался довольно тяжел. Я приподнял его, чтобы отнести к ближайшей скамейке, но потом передумал. Я смог бы его только тащить. Начал расстегивать рубашку, но пальцы не слушались, пришлось оторвать пуговицы. Рана на животе слегка сочилась кровью; я пытался ее вытирать его собственной рубашкой, но не успевал. Материя уже насквозь пропиталась кровью и больше не впитывала. Я не мог определить, насколько рана глубока. Крови становилось все больше и больше.

Если бы поблизости был телефон, я бы все-таки вызвал скорую. Но телефона не было, как не было и людей, потому что дождь все усиливался. Дождь пошел неровно, какими-то прядями. Я надеялся, что кто-нибудь выйдет из троллейбуса.

До остановки было всего лишь метров сто пятьдесят. Можно было бы крикнуть и позвать на помощь. Проехал автобус и не остановился. Сгущался вечер.

Разумеется, никаких фонарей.

Наконец, я понял, что крови слишком много, значит, есть еще одна рана.

Вторая рана была на бедре; мне пришлось расстегнуть ремень и разорвать брюки.

Кровь текла равномерно и уверенно, как из крана. К этому моменту я уже овладел собой и стал действовать четко и

быстро. Снял его рубашку – то, что от нее осталось, – оторвал рукав, скрутил жгутом, обвязал вокруг бедра, вставил палку и закрутил. Сухая палка сломалась, я быстро выбросил обломки и оторвал подходящую ветку от каштана. Только сейчас я увидел, что мои руки все в ссадинах и порезах. К счастью, мне хватило ума, чтобы не вымазаться в крови, как мясник.

Рана на животе сейчас либо почти не кровоточила, либо дождь смывал кровь.

Она показалась мне неглубокой: нож прошел по касательной и разрезал в основном жировую складку и, может быть, мышцы. Кусок кожи можно было просто приподнять пальцами; разрез явно не шел в глубину. Это успокаивало. Я поднял голову и огляделся, собираясь с мыслями. Дождь гудел стенами. Гремело со всех сторон.

Град весело скакал по асфальту, но, несмотря на это, мне было жарко. По дороге неслась вода вровень с тротуаром. Вдалеке бежала старуха, накрытая клеенкой.

Сейчас ей ни до чего не было дела.

Я оттащил человека к кустам и встал. В принципе, он попросил оставить его здесь. Но после града станет холодно; если он останется лежать здесь всю ночь с такой потерей крови, то не выдержит. Меня беспокоила столь долгая потеря сознания. Это означало кому или что-то вроде того, и значит, могло быть действительно опасным. Если я позволю ему умереть, то буду виновен – и в моральном, и в уголовном

плане. Я решил вызвать скорую.

До метро было минут пятнадцать ходу. Вначале я быстро шел, потом начал бежать. Отчего-то у меня начала кружиться голова. Подолюбом будто бы включился крошечный зудящий моторчик и пытался раскрутить юлою весь мир вокруг меня. Вид человека, бегущего под проливным ливнем, никого не удивлял. Впрочем, никого и не было. Несколько машин окатили меня водой так, что я чуть не захлебнулся. В метро я вставил карточку и стал набирать номер телефона. И только на пятой цифре я понял, что набираю не 03.

Это был номер, весь день крутившийся у меня в голове. Человек смутной национальности примерно месяц назад попросил моей помощи в одном щекотливом деле, и я действительно ему помог. Его фамилия была Хараджа, а с виду он был похож и на грека, и на индуса, и на грузина. Вобщем, не разберешь. Сегодня утром я встретил его, точнее, он сам меня увидел, остановил машину и предложил подвезти. Он так меня благодарил, что мне даже стало неловко. В конце концов он сказал, он так и сказал: «если у вас какие неприятности, можете обращаться ко мне.» И дал телефон, который я не записал, а запомнил. Именно этот телефон кружил в моей памяти до сих пор. Именно этот телефон автоматически стали набирать мои пальцы. А почему бы и нет?

Дело, в котором я ему помог, было очень сомнительного свойства. Его занятия наверняка столь же сомнительны. И уж точно, он не похож на законопослушного болвана, кото-

рый сразу же бежит звонить в милицию. В нашу милицию бегут только болваны. Однажды подросток напал на старуху, а когда мы сообщили об этом милицейскому патрулю, те подонки просто развернулись и ушли в другую сторону.

Зато когда их не просят... Пожалуй, когда он говорил о неприятностях, он имел ввиду случай вроде моего.

Я не надеялся, что Хараджа согласится мне реально помочь, но он мог помочь советом. Честно говоря, я оказался совершенно неподготовленным к такой ситуации, я не представлял, что делать – все варианты казались мне проигрышными. Что бы ты ни сделал, ты будешь неправ. Мне нужно было время – чтобы сосредоточиться, обдумать положение и найти выход. Но времени не было. К счастью, Хараджа оказался человеком решительным.

– Ждите меня у остановки через тридцать минут, – сказал он. – И никакой личной инициативы.

– На что вы надеетесь? – спросил я.

– На то, что пациент уже ушел или хотя бы уполз. Так будет лучше для нас и для него. Если он умер, я вам не помощник.

– А если нет?

– Разберемся на месте.

Я не засекал точное время, но мне показалось, что машина подъехала гораздо быстрее, чем за полчаса. Дождь уже прекратился, небо перетекало из лилового в черное и лишь последний отсвет красного угадывался над крышами. Гро-

мадные лужи отражали воздух и деревья, причем так величественно, что казались горными озерами в миниатюре. Из машины вышли Хараджа и непомерно толстая старуха с чемоданчиком. Ее тело, довольно рослое, было почти одинаково в высоту, толщину и ширину. Однако двигалась она так проворно и легко, что я все время не мог отделаться от впечатления, что она просто надута воздухом. Мне даже хотелось ее потрогать. Толстуха оказалась врачом.

Когда мы подходили к кустам, оттуда кто-то выскочил и побежал. Так быстро, что мы не успели его рассмотреть.

– Это он? – сердито спросила старуха.

– Нет, конечно.

– Без «конечно». «Нет» уже достаточно. Меня звать Марфа Павловна. Будешь слушаться и делать все что надо. Иголку держать умеешь?

Мужчина лежал в той же позе. Вначале мне показалось, что он мертв, но Марфа Павловна ничего такого не сказала и я успокоился. Она работала быстро и очень профессионально, на мой взгляд. Она ощупала живот, оттянула веки и посветила фонариком, измерила давление, сделала еще что-то во многих местах, скорее всего измерила температуру, каким-то плоским датчиком.

– Давно?

– Что давно?

– Давно наложил жгут?

– Примерно часа полтора.

– «Примерно» это больше или меньше?

– Не знаю. Больше.

– Тогда молись богу. Я снимаю.

– Может быть не надо?

– Я лучше знаю что надо. Если жгут не снять через два часа, возможна гангрена. Если кровотечение возобновится, то придется везти в больницу. Без операции не выживет.

– А если вы?

– Операцию? Молодой человек, я не шизофреничка.

Она ослабила жгут, подождала немного и снова ослабила.

– Дай мне руку.

Она все-таки не могла встать без посторонней помощи со своего раскладного стульчика. Я подал руку. Вес был такой, как будто я тащил гиппопотама.

– Ну как?

– Вы здорово работаете, – польстил я.

– Ну, тем живу. Значит, есть хорошее и есть плохое. Внутреннего кровотечения нет, брюшная полость не прободнена, все органы целы, насколько я могу судить. Была разрезана вена, но кровотечение прекратилось. Эмболии нет. Ты знаешь, что такое «эмболия»?

– Примерно, – сказал я.

– Примерно не годится. Разрезанная вена иногда засасывает воздух. Когда этот воздух дойдет до сердца, оно окажется пустым.

– Да.

– Не «да», а в тридцати семи процентах случаев летальный исход, даже в клинике. Но здесь дело не в этом. Здесь дело в том, что он не приходит в сознание. Его раны – это просто большие порезы, я, кстати, их продезинфицировала, сейчас подержишь, пока я буду бинтовать. Для комы нет никаких причин.

– Может быть, его ударили по голове? – предположил я.

– Мозг не поврежден.

– Как вы можете знать?

– Молодой человек, не нужно соваться не в свое дело.

– Хорошо, не буду, – согласился я.

– У человека столько рефлексов, что по ним можно проверить все что угодно.

Мы устроены как электронная плата: если грамотно тыкать тестером... Только грамотно. Рефлексы в порядке, мозг не поврежден. Значит, вот что я советую.

Ничего не советую. Я думаю, что он все-таки очнется. Когда очнется, пусть лежит.

Через неделю сможет ходить не хромая. Но если он не очнется, то у вас будут большие неприятности.

– Что это все-таки может быть?

– Да все что угодно.

– Все-таки?

– Я не буду гадать.

Сделав перевязку, она ушла, не захотела ехать на машине. Ее насквозь мокрые и малюсенькие, как у Золушки, туфель-

ки ухитрились нести громадный вес. Может быть, в юности она была стройна как былинка. Может быть, она осталась такой же в душе.

– Она работает в больнице? – спросил я.

– Работала.

– На пенсии?

– Нет. Когда вместе работают один талант и десять тупиц, к тупицам люди не идут, а им тоже хочется иметь свое место под солнцем. Отсюда их ответные действия. Это называется демократия.

Всю дорогу к моему дому мы ехали молча и лишь один раз он сказал:

– У вас, оказывается, опасная работа.

– Иногда.

– Дальше будет хуже. Человеку с вашим талантом не дадут жить спокойно... Я помогу вам занести его в квартиру, наденем плащ и возьмем с двух сторон, в крайнем случае сойдет за пьяного. Но на этом моя помощь заканчивается. Моя фамилия Хараджа, а не Гасан Абдурахман ибн Хоттаб.

Когда-то меня спросили, точнее, я сам вызвался назвать четырех величайших людей человечества. Почему-то тогда у меня было особенное мнение на этот счет.

Я назвал Сократа, Канта, Леонардо и Толстого Льва. Сей-час, спустя примерно двадцать лет, я бы не включил в список величайших ни одного из них. Сократа за его диалог о государстве; Канта – за то, что его мысль объемна и тяжеловесна как вычислительная машина на вакуумных лампах; Леонардо – за то, что разбрасываясь всю жизнь, он так и не создал ничего настоящего, кроме нескольких картин;

Толстого – за вторую половину его жизни. Я попытался сегодня ответить для себя на тот же вопрос и не нашел ответа. С одной стороны, чем больше ты понимаешь в жизни, тем меньше становится четких ответов на вопросы, а с другой стороны, я чувствую, что четырех величайших просто не существует, хотя многие назвали бы Христа или что-то близкое лично им. Великие люди истории многочисленны. Они так многочисленны, что просто составляют толпу – это такая же толпа, как и любая другая. Так стоит ли растворяться в этой толпе?

Кое-что из того, что мне удалось открыть, могло бы поставить меня в один ряд с великими. Вычисление периода везения это уже очень сильная штука. Но я сделал большее

— я научился создавать чудо и применять его. Это несложно, это доступно каждому, это доступно, например, вам. Сейчас я дам вам главную идею.

Для чуда нужно всего лишь две вещи: правильное настроение и регулярная тренировка. Но самое важное — это настроение. У вас случилось так, что вы легко заговариваете с девушками, вы умны, остроумны, легки, вы можете выдумывать рифмы или созвучия, вы можете отгадывать карту или то, какой стороной выпадет монета? Конечно случилось, хотя бы изредка. Я называю это настроение настроением импровизации: ты уверен, что у тебя получится, и поэтому получается. Только в этом настроении чудо становится доступным. Одинаково важны два компонента: уверенность в результате и безразличие к результату.

Напряженность заменяется свободной радостью игры.

Но как этого достичь, спросите вы. В детстве человек похож на асфальт сразу после того, как прошел дождь игры — он весь в игре — где больше, где меньше, — в зрелом возрасте он похож на сухой асфальт, на котором только местами вода собралась в лужи. Чем старше человек, тем труднее ему отдаться игре. Для большинства взрослых чистое настроение игры или импровизации недоступно.

Однако я нашел способ устойчиво создавать это настроение или вариант его.

Оказывается, что оно прекрасно известно религии — это именно то состояние, в котором оказывается человек, посвя-

щающий себя богу и возлагающий на него руководство своими поступками по принципу: тебе сверху виднее, – прошу тебя, сделай как лучше и, даже если я не пойму тебя, то я все равно верю, что ты действуешь на благо мне, а я только исполнитель твоей воли на земле. Это сильно расслабляет в том смысле, что снимает волнение и ответственность за результат.

Полная уверенность в результате: результат все равно будет наилучшим, каким бы он ни казался моему несовершенному глазу. Ненапряженность, отсутствие любых зажимов. Свободное действие – что бы я ни делал, я делаю правильно. Подобное настроение может возникнуть после искренней молитвы. Безразличие – почти – к результату, из-за того, что ты оказываешься проводником высшей воли и твой маленький результат слишком ничтожен, хотя и интересен как доказательство высшего руководства.

Несложно провести эксперимент – помолитесь, слова несущественны, важен сам факт отдачи себя высшей воле – помолитесь искренне, очень искренне чему-нибудь.

Однажды я играл в теннис и мой противник, проигрывая, помолился богу – и выиграл. Причем выиграл он не хорошей игрой, а несколькими случайностями. Те, кто играет в теннис, знает, что довольно много мячей могут быть случайны, а любой мяч может оказаться решающим. Мой соперник, человек искренне верующий, оказался доволен божественной помощью. Меня же заинтересовало само явление. В следу-

ющий раз, оказавшись в ситуации прогирыша, я помолился про себя, – но помолился специально выдуманному богу, богу искусства. Насколько я знаю, таковой не существует. И случилось то же самое. Пошла полоса везения, причем заметил ее не только я. У меня получилось. Неведомая, но колоссальная сила меня услышала и помогла мне. Это было мое первое, специально задуманное чудо.

Любой из вас может поставить это наблюдение на самом себе, особенно если вы играете в теннис или занимаетесь любым другим делом, исход которого сильно зависит от случайности. Мое везение началось лишь в тот момент, когда сам результат партии стал неважен для меня, когда я переключился на другую игру.

Нужна вера, но не просто искренняя вера, а чувство абсолютной достоверности происходящего. Такое чувство нельзя получить волевым усилием, к нему нужно прийти свободно играя, проверить не от боли, а из интереса. По принципу: а почему бы и нет? И вот в некоторый момент наступает то самое настроение, которое легко узнается – настроение импровизации.

Поэтому люди и верят в бога – он дает им доказательства своей силы. Он творит чудеса. Но творит чудеса не только он – я убедился, что отдавать себя можно кому угодно и чему угодно. В результате тренировок я научился не отдавать себя никому и все равно держать, сохранять правильную сосредоточенность, правильное состояние мозга – то единственное

состояние, при котором ты подключаешься к высшей силе.

Но, сколько бы я ни тренировался, я не могу держать это настроение долго, тем более, всегда. Есть полосы в моей жизни, когда я могу очень многое, и есть темные полосы, гораздо более обширные, когда я не могу ничего. Иначе и не может быть.

Такие же полосы чуда имеет природа и человеческая история: поэтому гении всегда рождаются гроздьями, пучками. Они растут рядом, как грибы. Рафаэль Леонардо и Микеланджело появились настолько близко, что были знакомы друг с другом.

В этот раз нужное настроение достигалось с трудом. Стоило мне сосредоточиться на несколько секунд, как посторонние звуки сбивали настрой. Я закрыл форточку чтобы не слышать детских криков. Но это не помогло: крики стали тише, зато вернее цепляли мое внимание. Я был слишком напряжен из-за событий последних дней. Когда затихли звуки, я вдруг увидел взлетающие у моего окна мыльные пузыри. Не представляю, как они забрались на такую высоту. Сейчас на лотках полно всяких учебников магии; в свое время я читал некоторые и даже завидовал наивным колдунам, которые растирают в порошок жабы хвосты или что еще они там делают. Достаточно им выполнить определенный алгоритм, как чудо случится. А каждое мое чудо требует либо вдохновения, либо огромных усилий.

Каждый день приходится быть в форме, это тяжело. Кроме того, профессиональный маг вроде меня не имеет права даже выпить чашечку кофе, не говоря уже о более крепких напитках. Рассудок должен быть предельно ясен. Иногда мне мешал даже крепкий чай.

Сейчас вдохновение не приходило.

Чудо, которое я собирался совершить сегодня, было несложным. Я хотел заставить того паренька, которому отдал собаку, прийти ко мне и подробно рассказать о своей

жизни. Его, кстати, звали Юрой. Я имею отличную память, но у нее есть один дефект: я забываю имена. Как бы я ни старался, не могу запомнить. Мне приходится записывать. Еще с первых дней моей работы я веду подробный дневник и туда вписываю имена всех людей, с которыми встречался или должен встретиться. Иногда все-таки попадаю впросак. На меня обижаются за невнимание.

Итак, моя записная книжка подсказывала, что его звали Юрой. Сейчас я произнесу заклинание и, если получится, он должен прийти и сообщить те сведения, которые я жду. При этом он не должен догадаться, что им управляют. Он придет ко мне по собственной воле, ощутив нечто вроде желания поболтать, и выложит мне максимум информации. Но если он не появится еще минут сорок, то можно считать, что эксперимент пока не удался. У меня уже получалось раньше управлять людьми на расстоянии, но всегда случайно и в малом объеме.

– Размышляете?

Неизвестный появился за моей спиной так неожиданно, что я даже похолодел.

Есть такой мгновенный непреодолимый, атавистический страх при внезапном появлении кого-либо вблизи.

– Работаю. Я вижу, вам уже лучше.

– Сколько времени я отсутствовал?

– Около суток.

– Представляю, что вы думали. Нужно было оставить ме-

ня там. Я же сказал, что ничего страшного не случилось.

– Ничего страшного?

– Это последствия ранения. Что-то вроде военного шока или контузии. При сильном кровотечении я сразу отключаюсь. Сдвиг в мозгах, такое никто не лечит.

Жаль, я не успел вас предупредить.

– Вы служили в армии?

– Нет, но так получилось.

Впервые я заметил как много шрамов на его теле. Он выглядел так, как будто десяток рысей играя драли его когтями. Он был довольно красив, но не здоровой, плотной мужской красотой, красотой свободно перетекающей силы, а чем-то иным, трудноопределимым, может быть, болезненным, может быть, извращенным. Если бы он имел сестру или дочь, очень похожую на него, она была бы чрезвычайно красива.

При всем этом он был идеально сложен, жилист и наверняка очень силен физически.

– Понятно. Как ваша нога?

– Можно наступать.

– Несколько дней побудете у меня, пусть заживет окончательно. Кстати, при вас мы не нашли ни документов, ни денег. Есть подозрение, что пока я бегал за врачом, вас ограбили.

– Был кошелек, но в нем только мелочь. Документы я не ношу. Не страшно. Я вам возмещу все убытки.

– Это не обязательно.

Кто-то позвонил в дверь — он вздрогнул, как кошка, но сразу же успокоился.

— Обязательно. Я всегда плачу долги. К вам кто-то пришел, пусть лучше меня не видят.

Пришел все-таки Юра. Значит, первый импульс сработал. Пусть невежды зовут это телепатией, внушением на расстоянии или еще как-нибудь – я знаю, что природа процесса совсем иная: я связываюсь с некой силой, которая управляет случайностями наших судеб, и случайности складываются так, как нужно мне. Я не знаю, что это за сила, но она абсолютна, она всемогуща, нейтральна по отношению к добру и злу, довольно безразлична к нам. Это никак не бог, и уж тем более не дьявол. Эта субстанция живет в совершенно другой плоскости. Я называю ее Кси.

Просто потому, что нужно ее как-то называть, да еще потому, что греческая буква кси пока еще никем не занята. Не то что, например, пси, альфа, или омега.

– Ну как дела? – я поставил чайник и мы сели за стол.

– Скучно. Я четыре дня живу и ничего не происходит. Вы сказали жить как растение, но это трудно. Я начал фотографировать. Это можно?

– Нормально.

– Принес фотографии, оставлю вам посмотреть.

– Стоп. Сейчас очень важный вопрос: когда ты решил показать мне фотографии?

– Вчера. Или даже тогда, когда купил пленку. Мне захотелось прийти и поболтать. И рассказать. Ведь должен быть

какой-то отчет. О работе, если только называть безделье работой. И я купил туфли.

Вот это да.

Я посылал именно такой импульс час назад: прийти поболтать и дать максимально подробный отчет. Но импульс сработал ДО того, как был послан.

Сработал на несколько дней раньше, еще до того, как пришел мне в голову.

Похоже, что Кси свободно расправляется с такими вещами, как прошлое и будущее.

Она проходит поверх них. Она управляет временем как ребенок велосипедом.

Однажды мне приснился сон: человек в спецовке пробует завести бульдозер. С энной попытки бульдозер все же заводится и оглушительно тарыхтит. Я просыпаюсь под звон будильника. Ничего необычного, правда? А необычное в том, что бульдозер был подготовлен в моем сне еще ДО того, как зазвенел будильник.

Современная наука утверждает, что это невозможно. Но вспомните свои сны – и вы согласитесь со мной.

– Ты уверен, что эта мысль пришла тебе несколько дней назад?

– Да. Это так важно?

– Сначала покажи, что ты снимал.

Я рассматривал фотографии. Несколько сюрреалистических снимков: случайные предметы скомпонованы в совер-

шенно дикие структуры; дом, окрестности, несколько видов из окна, очень много фотографий облаков, облака на закате, облака как фон для летящих птиц, дождь. Снова дождь. Соседи.

– Кто это? – спросил я.

– Живет в сорок четвертой квартире. У нее мальчик. А это старушка из сорок пятой. Где-то был еще... Вот он.

Вот он, объект моей мести. Собственно говоря, ничем чрезвычайным он предо мной не провинился. Негодяй, конечно, но мало ли негодяев вокруг нас? Что еще?

Мы хорошо знали друг друга, мы с детства жили на одной улице в домах напротив.

Несколько раз он воровал мои деньги, несколько раз втягивал меня в сомнительные дела и сразу же предавал, многое другое – но, вобщем-то, ничего серьезного. Он был обычным тупицей, обычным хулиганом, затем пошел в армию и там ему выбили несколько передних зубов. Затем он завел гитару и орал по ночам злые пьяные песни, затем женился и стал беспробудно пить. Затем ушла жена с детьми, привязав его пьяного к кровати, напоследок. Потом жизнь текла без происшествий, оттеняемая лишь скандалами с соседями, появлениями участкового иногда, запоями и всякой другой мелочью. Потом его дом сгорел и он получил новую квартиру в многоэтажке. И теперь рок, руководимый мной, собирается занести над этим убожеством свой хлыст. За что я его так?

– А вот Дина. Кушает.

Это он сказал с любовью.

– Нашли общий язык?

– Не знаю. Она какая-то странная.

– А по ночам?

– По ночам я сплю. Пробовал ее дрессировать.

– И как она?

– Нормально. Мне говорили, что характер собаки может испортиться, когда она меняет хозяина. Но это не наш случай. У нас все нормально.

– Она тебя любит?

– Не знаю. Слушается. Умная ужасно. Вчера мы как-то не разминулись на улице с этим уродом из сорок шестой квартиры, вот этим, который на фотографии, так Дина так зарычала, что он сразу выпал в осадок. Она меня защищает.

– А если бы она, допустим, напала, ты бы смог ее удержать?

– Она не нападет. Она умная.

– Я имею ввиду чисто физически. Сумел бы удержать или нет?

– Не знаю. А зачем?

– Да так просто.

– Не сумел бы. Она тянет, как танк.

Я продолжал рассматривать фотографию уродца из сорок шестой. Да, постарел, бедняжка. Но тот же взгляд, тяжелый и злой и в то же время странно беспечный. Те же сгорбленные плечи, которые я помню с детства. «Я буду сечь его ремнем,

чтобы пошел в институт», – помню, так говорила его мать. И действительно секла, а он бегал от нее вокруг стола и орал: «мама, не надо!» Потом он высек ее сам и с тех пор она жила отдельно. Лицом он слегка похож на волка из «Ну, погоди!», с той только разницей, что волк умел улыбаться и удивляться. В его же лице только тяжесть – и ничего светлого.

С самого детства он чувствовал мою необычность, мое превосходство, может быть. Еще тогда, когда я считал себя гадким утенком, а его – Великолепным Старшим Хулиганом, он видел, что я лучше и сильнее его. Всех тех гадостей, которые он мне чинил, не перечесать и не упомнить. Да и какая разница? – ведь дело не в них. Дело в соперничестве двух мировоззрений: мировоззрения личности и мировоззрения злобного дауна. До сих пор во всех бесчисленных, хотя и мелких столкновениях даун брал верх. Именно потому, что он даун. И я обязан доказать, что это неверно, что это не закон, а извращение закона. Доказать эпохе, миру Богу, если таковой существует. Это не личная месть. Просто все мы привыкли жить рядом с торжествующими негодяями. Они не преступники, они всего лишь подонки, их не накажет закон. Закон для них не писан. Но есть более высокий закон – закон совести. И этот закон говорит мне, что зло – в любой его форме – не должно оставаться безнаказанным.

Чем больше я наблюдал за ним, а это длилось почти тридцать лет, тем больше я убеждался в одном и том же и, наконец, я сформулировал это для себя как принцип: негодяев

нужно ограничивать – как сорняки, как нефтяные пятна в море, как расплодившихся крыс. Это обязанность каждого порядочного человека. Если видишь негодяя – не проходи мимо.

– Ну как отношения с соседями? – спросил я.

– Никак. В основном не контактируем. Читаю книжки. Смотрю телевизор. Кушаю спагетти с индюшиными крылышками. Но скучно. И ничего не понимаю. Может быть, дадите конкретные указания. Должны же быть конкретные указания.

– Почаще гуляй и поменьше читай. Веди себя попроще и дружи с соседями. Все.

Мы выпили чай и еще немного поговорили. Пока все шло как по маслу. Вот только мне было жаль этого мальчишку. Я не хотел его подставлять. Придется повозиться, придумывая окончательный план.

Когда я вошел в спальню, мой новый знакомый лежал поверх одеяла и сосредоточенно смотрел в потолок. На его теле были только трусы и бинты. Бинт на животе слегка пропитался кровью.

– Вы когда-нибудь рассматривали бинт со свежей алой кровью так, как рентгеновский снимок, на просвет? – спросил он. – Страшно красиво, красивый цвет, я имею ввиду, исключительный. Я сказал гадость, не обращайтесь внимания.

– Рассматривал, – ответил я.

– Этот ... о котором вы говорили, из сорок шестой квартиры...

– Не надо ругаться.

– Да ради бога, не буду. Извиняюсь, но я слышал ваш разговор. И у меня мелькнула мыслишка, так случайно. Так вот, этот приятный человек из сорок шестой квартиры, тот, на которого зарычала собака вашего знакомого, он живет в доме сто сорок восемь, улица Продольная?

– Совершенно верно.

– А зачем он вам нужен?

– По личному делу, – ответил я.

– Можно взглянуть на фото? Да, это он. Все та же гадкая сволочь. Вся проблема в том, что и мне он нужен – и тоже по личному делу. Если наши личные дела не пересекаются,

то все в порядке. Но если пересекаются, вашему делу придется потесниться.

– Или вашему, – ответил я.

– Никогда. Мое дело слишком важное.

– Мое тоже.

– Надеюсь, вы не любовники? – спросил он.

– Нет.

– И он не ваш зять?

– Ничего подобного.

– И вы не собираетесь оставить ему наследство?

– Не собираюсь, – сказал я.

– Тогда все в порядке. Потому что я собираюсь его убить.

Повисла пауза.

– Отлично. Я тоже, – соврал я.

Он даже не взглянул на меня.

– Вы не сможете никого убить, – сказал он. – Это не в вашем характере. Даже если все получится, вы помучаете его и отпустите. Он станет лишь сильнее. А я его прикончу.

События начинали приобретать неожиданный поворот. Совпадение? Но кому как не мне знать, что таких совпадений не бывает? Совпадение это лишь маска, которую надевает судьба, чтобы скрыть свои гримасы.

– А если мы вместе? – попробовал я сделать неожиданный ход.

– Я не связываюсь с новичками. Вы даже не можете стерпеть нормального крепкого слова, а как раз такими словами

говорят настоящие мужчины. Я думаю, что вы какой-нибудь иегова, или вроде того. Не желай, не гордись, не улыбайся, не спи с женщинами даже во сне. А с женой целуйся через тряпочку, смоченную нашатырным спиртом. Короче говоря, робот. И ваш бог робот, потому что спасает не людей, а роботов вроде самого себя. Кого не может сделать роботом, того сжигает в огне, как мусор.

– Я не принадлежу ни к какой секте.

– Тогда я буду нормально разговаривать, ... мать.

– Вот по поводу этой фразы, – сказал я, – раньше первым словом в этой фразе было слово «Я», потом его просто стали пропускать. А второе слово – это глагол в прошедшем времени. Когда-то давно, когда старый мужчина встречал молодого где-нибудь в глухом месте, например, в лесу, он сразу выкрикивал эту фразу про мать – и молодой думал, что встретил своего настоящего отца.

– Ага. И зачем же?

– Затем, что незнакомых стариков обычно убивали и грабили без лишних разговоров. Традиции такие. А родителей почитали даже тогда. Поэтому, когда вы говорите эту фразу о матери мне, она не имеет никакого смысла, ведь мы с вами одного возраста.

– Ага. Значит, вы какой-нибудь профессор изящных слов и каждая моя грамматическая ошибка режет вам ухо. Так?

– Нет. У меня просто жутко прикладная профессия. Я волшебник.

– Не более и не менее. Это бывает. У вас есть ковер-самолет.

– Ковер-самолет это для витающих в облаках. А я прикладник, если так можно выразиться. Я специализируюсь на удаче, особенно на удаче в делах. В каждом деле есть много непредсказуемых случайностей. Я организую их так, чтобы в сумме они приносили удачу. Для этого мне нужны слова, всего лишь слова.

Поэтому каждое слово в этом доме имеет большую силу. Не более и не менее.

– Я думаю, вам за это платят?

– Десять процентов от выручки.

– Получается?

– Практически всегда.

– Блин, тогда я затыкаю свой грязный рот. С волшебниками нужно быть осторожным. Или «блин» тоже запрещен?

– Вы употребили слово «блин» как междометие, а не как существительное.

Проще говоря, как заменитель ругательства. К сожалению, это слово одно из самых опасных. Когда вы говорили про мать, это было просто чепуха, это ничего не означало. Но когда вы произносите «блин» в смысле ругательства, вы называете имя.

– Имя?

– Мужское имя, которое было проклято на протяжении многих поколений. Имя гнусного предателя. Когда вы гово-

рите, «блин», вы обращаетесь к нему по имени и просите его помощи и защиты. Это все равно что молиться богу, только вместо бога подлый негодяй. Его настоящее имя было Блуд, отсюда пошли слова «заблудиться» и «заблуждаться», то есть, поверить Блуду и пойти за ним.

– Но ведь этот ваш Блуд мертв, какая разница, зову я его или нет? Он меня не услышит.

– Зато вас услышит Кси. Я не могу вам объяснить, что это такое.

По-простому, это такая штука, которая распределяет случайности вашей судьбы.

Она вас услышит и случайности вашей судьбы чуть-чуть сдвинутся. А это все равно, что чуть-чуть сдвинуть межпозвоночные диски: в девяноста девяти случаях из ста ничего не случится, а в одном можно остаться инвалидом.

– Если вы мне расскажете подобные вещи и о других словах, то я вообще не смогу нормально ругаться.

– Нет, не расскажу. Многие слова ничего не значат.

– Ну ладно. Будем считать, что разговор не состоялся.

Он отдал мне фотографию.

– Почему не состоялся? Есть некто, которого вы хотите убить, причем собственноручно, и я вам мешаю это сделать. Но я не знаю ваших мотивов, а вы не знаете моих. Расскажите.

– Рассказать? Можно и рассказать. Смотрите. – он щелкнул пальцами и между пальцами зажегся огонек. – Видите,

я тоже волшебник.

– Я бы сказал, фокусник.

– Нет, волшебник – в своей профессии. Волшебник – это ведь высшая степень мастерства. А моя профессия – поджигать. Я могу зажечь все, или почти все.

Раз кто-то тушит пожары, то должен кто-то их и зажигать. Правильно?

– Кстати, – сказал я, – меня всегда интересовало, как может сгореть каменный дом, если камень не горюч.

– А-аа! Каждый дом горит по-своему. Если это старая многоэтажка, то там все просто: их строили так, что между стенами промежутки, а в промежутках деревянный каркас. Если поджечь в нужном месте, то возникает сильная тяга и она сразу же разносит огонь по всем этажам. Дом сгорает целиком и потушить его невозможно. Через какое-то время он оседает и проваливается. Я знаю о пожарах все, я мог бы основать пожарную академию.

– А зачем сжигать дома? Чтобы спрятать улики?

– Ну, это обязательно. Если какой-нибудь директор сельмага разворует и пропьет все запасы продуктов, то он обычно поджигает магазин и так замечает следы. Но у него не получается, потому что он не умеет правильно поджигать.

Зато, если он позовет меня, потом его не разоблачит никакая следственная комиссия. Потому что я работаю хорошо, с гарантией.

– Так вы занимаетесь сельмагами?

– Никогда. Слишком мало платят и слишком простая работа. Иногда помогаю в бизнесе – убираю конкурентов. Если конкурент вдруг решит построить дорогой магазин там, где его не нужно строить, то этот магазин в одну прекрасную ночь возьмет и сгорит. Сгорит так, что не подлежит восстановлению. И последняя категория клиентов это первоочередники на получение квартиры: до тех пор, пока дом стоит, им квартиру не дадут. Не дадут пять лет, десять или даже двадцать.

А если дом сгорел, то каждый получает новую квартиру со всеми удобствами. И квартира стоит обычно от трех до семи тысяч долларов. Чистая прибыль. Я киллер, но убиваю не людей, а недвижимость. Вот в этом-то все и дело.

Фамилия моего нового знакомого была Бецкой. История, которую он мне рассказал была примерно такой.

Однажды он получил заказ на уничтожение старого жилого дома. Дом был двухэтажный, более чем столетнего возраста, в аварийном состоянии, на двадцать восемь квартир. И без хорошего пожара никак не обойтись – все остальные способы уже испытаны. Бецкой никогда не разговаривал со всеми жильцами; для переговоров всегда выбирался лишь один представитель. В этот раз представителем оказался примерно сорокалетний мужчина крупного телосложения. У него был грубый голос, лицо пьяницы и отвратительная дырка на месте передних зубов. Был также постоянный напор, которому Бецкой едва мог противостоять. Этот человек просто не слушал возражений и шел вперед как танк. При первой встрече они ни о чем не договорились. При второй представитель попробовал угрожать и Бецкой уже решил про себя, что сделка не состоится. Но была еще и третья встреча, где и удалось найти компромисс.

Договорились о дате, о стиле поджога, о сумме гонорара и количестве материального ущерба. После этого началась работа.

Прежде чем сжечь дом, его нужно изучить. Тот двухэтажник оказался не таким уж и простым. На самом деле это бы-

ла только четвертая часть большого здания, построенного в прошлом веке. Во время войны три четверти здания было разрушено бомбежкой, а оставшееся восстановили потом. Сто лет назад дом был чем-то вроде торгового центра и в его подвалах хранились припасы, в основном пищевые. Подвалы были сложены из толстых дубовых бревен, каждое двадцать пять на двадцать пять в поперечнике. Все эти бревна и подвалы сохранились до сегодняшнего дня.

Сохранились также и подвалы под несуществующей частью здания. Проследившая эту систему подземных коммуникаций, Бецкой нашел много интересного и неожиданного, в частности, даже семь развалившихся скелетов времен Гражданской войны. Кто-то от кого-то прятался и был убит. Подвалы были сильно испорчены постоянными авариями канализации, проходившей рядом, а также недавним подъемом подземных вод.

Пожар должен был начаться именно из подвала. Главной проблемой в таком случае было обеспечить собственную безопасность. Жильцы сжигаемого дома никогда не хотят платить гонорар за работу и, если поджигатель сгорает вместе с жилищем, это их устраивает. Поэтому, как только ты зажжешь дом из подвала, сам ты из этого подвала уже можешь и не подняться. Тебя или прибудут на месте или позволят сгореть живьем. На войне, как на войне, а дело есть дело. Ничего личного.

На случай нападения Бецкой имел пистолет, о чем он

недвусмысленно сообщил представителю. Судя по тому, как представитель расстроился, Бецкой понял, что тревожился не зря. Видимо, их планы рушились. Но договор есть договор. Бецкой подготовил два запасных выхода из подвалов, на что ему потребовался целый месяц.

Один выход был через неработающую систему канализации, а второй – сквозь кирпичную стену, которую Бецкой аккуратно разобрал на камешки и снова сложил, уже без раствора. Стена перекрывала древнее окно, которое снаружи было полусыпано мягкой землей.

В день перед поджогом шел дождь, но Бецкого это не волновало.

Профессионал заставит сгореть дом дотла даже под проливным ливнем. Весь день он провел в подвалах и не знал, что творится наверху. А наверху творилось следующее.

Дождь перешел в ливень, а ливень усилился настолько, что коричневые, с белыми бурунчиками, потоки воды сбивали с ног прохожих и сносили с дороги легковые автомобили. Некоторые машины даже переворачивали вверх дном. К счастью, обошлось без жертв. Но очистные сооружения города не выдержали напора воды и канализация прорвалась. Вся грязь была из канализации выброшена в реки; реки понесли грязь в чужие моря и станы, а город и окрестности сразу же объявили зоной экологического бедствия. К вечеру дождь прекратился.

Когда Бецкой закончил поджигать и полюбовался на свою

работу, он пошел к выходу из подвалов. Впрочем, он был уверен, что выход уже закрыт. Так и случилось. Простые ребята уже радовались, разделившись с виновником пожара.

Платить не нужно, а если вдруг милиция что-то заподозрит, то вот, пожалуйста, примите на тарелочке обгорелое тело поджигателя. Мы его знать не знаем, подайте нам наши квартирки.

Убедившись в очередной раз в неблагодарности клиентуры, Бецкой пошел к запасному выходу. Огонь уже начинал припекать. Но выйти через канализацию оказалось невозможным. Колодец был залит мутной и вязкой жижей. Прорвавшаяся при аварии вода затопила старые тоннели. Остался еще последний выход через разобранную стену. Кирпичная кладка находилась в одном из дальних подвалов.

Подсвечивая себе фонариком, Бецкой двинулся туда – и убедился, что дыру залили снаружи бетоном. Толстый язык полужастывшего бетона развалил кирпичи и вывалился внутрь. Вот поэтому весь день была неправильная тяга: кто-то намертво перекрыл отверстие.

К сожалению, бетон еще не вполне застыл. К сожалению – потому что Бецкой потратил драгоценные полчаса, пытаясь пробить каменеющий кляп. Но клиенты постарались: было вылито не меньше машины раствора.

Выхода не было. Времени не было тоже. Погибнуть в огне Бецкой не боялся.

Конечно, разгоревшийся пожар остановить нельзя, но

можно уйти от него в дальние влажные подвалы, куда он не достанет. Но, раз пространство закупорено почти герметически, огонь начинает сжирать весь оставшийся кислород. Еще до того, как умереть от нехватки воздуха, любой человек умрет от отравления угарным газом.

Бецкой бросился в дальние подвалы, в те кельи, которые он исследовал не до конца. Иногда случается, что подвалы двух соседних домов связаны или перегородка между ними такая тонкая, что ее можно разрушить. Люди ведь борются за пространство не только на земле и на воде, но и под землей тоже. Они строят подвалы вплотную.

Отравление угарным газом это одно из отвратительнейших ощущений. Это хуже чем просто боль и хуже чем просто агония. Еще хуже, если тебе при этом приходится работать на пределе физических сил. Или за этим пределом. Дубовые бревна местами сгнили и в одном из таких мест Белкой обнаружил старые тряпки, залитые алебастром. Дырку наверняка закрывали снаружи. Ему удалось проделать отверстие и просунуть в него вначале руку с фонариком, затем голову. Это был старый подвал соседнего дома, полный всякого гнилого хлама. Хлам был навален кучей до самого потолка. Вот под всей этой кучей оказалась щель. Пролезть в эту щель целиком Белкой не мог, потому что бревно было всего лишь двадцать пять сантиметров в поперечнике, зато сумел полностью просунуть голову. Это могло оказаться таким же смертельным трюком, как засунуть голову в пасть тигру: в

этих подвалах полно голодных крыс. Если ты потеряешь сознание, то голову тебе просто отгрызут. Нужно не потерять сознание до тех пор, пока прекратится пожар – а это еще часов десять. Если же ты отравлен угаром, то ты отключаешься обязательно.

Вобщем, ему удалось спастись. Остальное было делом профессиональной чести.

Нужно было забрать деньги и убить предателя. Если этого не сделать, никто из правильных людей уже не закажет ему хороший поджог. А тот, кто закажет, будет мелкой сошкой и сам попробует повторить трюк с бетоном. От безнаказанности наглеют. В этом деле, если ты не отвечаешь на пощечину, а подставляешь другую щеку, ты мертвый человек. Это правило профессии.

– Как вы узнали его адрес? – спросил я.

– Их же всех переселили в одну новостройку. Это единственная новостройка на весь город.

– Вы ее тоже сожжете?

– Нет. Можно мне фотографии еще раз?

Я отдал ему все фотографии. Он просмотрел их молча, дважды.

– Откуда у вас эта собака? – спросил он.

– Дина? Купил на базаре. Я предполагал, что она будет мотором этой трагедии.

– Какой трагедии?

– Той, которую собирался поставить я. Но, кажется, мне

придется забыть об этом.

– Тогда не нужно мне рассказывать, что вы ее купили на базаре.

– Почему нет?

– Ее зовут не Дина, а Диана. Эта собака имеет особенную подготовку. Это собака-людоед.

– Вы уверены?

– Я помню ее еще щенком. Конечно, она состарилась, сейчас ей, наверное, уже четырнадцать или пятнадцать лет. Но я не ошибаюсь. Ее держали специально, чтобы натравливать на людей. Она загрызла моего товарища. Ну, это я так говорю – в нашем деле товарищей не бывает.

Этой ночью стартовала цепочка случайностей, которая уже очень скоро привела к совершенно невероятному событию. Невероятному даже для человека, постоянно работающего с чудесами.

Началось все со сна: мне снился старичок деревенской наружности, брынькающий на балалайке и распевающий куплеты. Куплеты звучали дословно так.

Поделюсь я с вами, это, главным свойством интернета: как залезешь в интернет – ничего, чо надо, нет.

Фразы, дословно запомнившиеся нам из сна, всегда что-то означают. Это не только мое (кстати, неоднократно проверенное) мнение, но и мнение классиков психоанализа. Классики считают, что этими фразами говорит наш внутренний голос.

Но непонятно только было, отчего это мой внутренний голос решил заговорить об интернете: с компьютером я работаю регулярно, но о том, чтобы подключиться к сети, у меня и мыслей не было. Утром, только проснувшись, я услышал в новостях сообщение о том, что президент лично то ли открыл, то ли посетил интернет-кафе.

Совпадения начали выстраиваться в логический ряд. Теперь нужно ждать следующее.

Следующее совпадение произошло часа через полтора,

когда я шел по бульвару к остановке троллейбуса. Две совершенно древние старушечки в платочках, которых я обогнал, завидев приближающийся троллейбус, говорили об интернете, причем говорили вполне профессионально. До сих пор я считал интернет уделом оторванных от жизни юношей и продвинутых информационных жуликов. Почему бы и нет? – подумал я и предоставил судьбе решать самой.

И судьба распорядилась. В одном из центральных переулков я наткнулся на разноцветную рекламную куклу, изображающую гостеприимного повара. Внутри куклы сидел человек, зазывающий всех в новый ресторан. Почему-то он пристал именно ко мне. Рядом с ним ухмылялась полосатая женщина-кошка. Кошка, к счастью, как раз сняла голову и лакомилась мороженым.

– Некогда, – ответил я.

– У как же некогда, когда такой шанс! – не унимался повар.

Кажется, в ресторане разыгрывали какую-то лотерею.

И в этот момент я увидел вывеску: «Интернет-клуб».

– Некогда, иду в интернет, – совершенно глупо сказал я и нырнул в подвальчик. К рекламным зазывалам я почему-то испытываю почти физическое отвращение. Они превращают нашу силу в нашу слабость. Под силой я подразумеваю хорошее воспитание, не позволяющее сказать им правду.

В клубе было тихо и довольно просторно. Отчего-то он напоминал внутренность бассейна – может быть, из-за стен,

выложенных белой плиткой, и зеркального потолка. Пушистые почти невесомые растения на окнах были совсем как водоросли. Уютно светили большие мониторы. Услужливый юноша выдал мне карточку с нарисованным номером и объяснил что нужно делать. Нужно было щелкать на синюю букву «е», а потом действовать по обстановке. Вскоре передо мной появилась строка с мигающим курсором. Мне предлагали что-нибудь набрать.

«Меня отвлекают зеркальные потолки», – набрал я и нажал ввод.

«Меня тоже» – появилась надпись на экране.

Я почувствовал себя примерно как Робинзон, назвавший дикаря Пятницей, и увидевший, что тот откликается на Субботу.

«Не пойму, что все это значит», – набрал я.

«Это не имеет значения», – появилась надпись и машина зависла.

Я посмотрел в зеркальный потолок и увидел прилипшую к экранам молодежь. У всех все в порядке. Негры рассматривают голых девушек, арабы пишут письмо по-арабски, у наших на экранах полный хаос и только у меня – это.

Услужливый юноша все-таки запустил мой компьютер, хотя и не поверил моему рассказу.

– Попробуйте теперь, – сказал он.

«Меня отвлекают зеркальные потолки», – набрал я и машина зависла в ту же секунду.

Этим дело не кончилось. Мне дали поработать еще на двух свободных машинах, но как только я входил в интернет, они висли. Если за машину садился кто-то другой, они работали, как ни в чем ни бывало. За моей спиной уже стояли трое работников, пытаюсь отгадать что же я делаю не так. В конце концов мне вернули деньги. Она сошлись на версии о вирусе. Недавно кто-то из их конкурентов заказал программистам создать специальный вирус, который идет по сети и заражает избирательно нужный интернет-клуб. При этом в клубе начинают необъяснимо виснуть компьютеры. Клиенты, понятное дело, разбегаются и ищут счастья в соседних клубах. Кстати, программисты вирус создали, деньги получили, но пришли к конкурентам и взяли заказ на анти-вирус. Чем эта история закончилась, я не узнал, потому что разговор был долгим.

Но в этот же день я посетил еще два интернет-клуба. Компьютеры продолжали виснуть, почувствовав мои пальцы на клавиатуре. В этот день с меня снимали статическое электричество, замеряли мои магнитные поля и даже проверяли меня радиационным счетчиком. Меня даже переодевали в чужой костюм. Увы, машина узнавала меня в любом одеянии.

Уже поздно вечером я включил свой собственный родной компьютер и осветил темную комнатку синевой экрана. Машина работала превосходно.

Сейчас я удивляюсь своей беспечности, но, на самом деле, даже если бы я был предельно осторожен, это бы ничего не изменило. Они вели меня больше часа: от самого дома, в метро; они были со мной в билетной кассе, и наконец, настигли в безымянном переулке. Последнее, что я увидел, была темно-красная вывеска, изображавшая стилизованный факел. Факел перекрывал широкую витрину, за которой сиял банкетный зал, а в нем беззвучно дрыгались хореографические уродцы. Меня свалили на месте. Я даже не успел их разглядеть и не могу сказать сколько их было. Теперь я думаю, что они все-таки боялись меня и боялись показывать свои лица; они опасались, что я имею силу и могу их наказать, если не сразу, то потом. Но как жертва, я представлял жалкое зрелище.

Они выбили из меня дух на первых же минутах. Некоторое время я считал удары, уже кружась в темнеющем кроваво-пенном полусне, уже не чувствуя боли, и лишь стараясь вдохнуть сквозь нечто, зажимающее мой рот, потом все исчезло. Я нашел себя в абсолютно темном помещении, которое пахло подземельем.

Я ощущал свое лицо и убедился, что с ним-то полный порядок. Меня ни разу не ударили по голове. Все удары шли в корпус и по рукам, которыми я пытался защититься. Руки

в ужасном состоянии, хотя ничего не сломано, может быть, лишь левый мизинец. Я встал на ноги и убедился, что смогу сделать только несколько шагов.

Это не был обычный подвал, такой, в котором хранят мешки или сломанные стулья. Помещение было пустым, но готовым к приему гостя. Стены оклеены обоями и гасят звук. Каждый мой шаг звучит как монетка, упавшая на ковер, – почти неслышно. Рисунок на обоях изображает примитивный морской пейзаж; несмотря на мое умение видеть в темноте, я не могу разглядеть деталей. Линолеум на полу приятно холодит руки. Четыре утолщения темнеют под потолком, – видимо, светильники.

Сделав несколько шагов, я снова сел у стены. Так сильно меня еще никогда не отделявали. Я не знаю, сколько времени я просидел в такой позе, но колени и спина у меня онемели, а встать я не мог. Пришлось повалиться на бок. Когда я очнулся снова, в моей камере было светло. Рисунок на обоях оказался всего лишь беспорядочным нагромождением цветковых пятен.

– Ну как тебе ползалось тут? – спросила Элиза. – Не ожидал?

– Ползалось нормально.

Что такое чувство юмора и зачем оно нам? Оно не от мира сего. Сей мир – мир необходимости, неизбежности, в законах управляющих миром, нет и намека на юмор – хотя есть такая вещь как красота. Природа может быть красива, но ве-

села – никогда. С другой стороны, если верить рассказам переживших клиническую смерть, то, что встречало их там, обладает чувством юмора. Может быть юмор есть отблеск божества или божественного способа общения с миром?

Я снова сел у стены. Сейчас я мог бы встать, но такая попытка, даже успешная, выглядела бы унижительно, и я остался сидеть.

– Ползалось нормально. На стул раскошелиться не могла?

– А мне и так хорошо.

Она нагнулась и ее грудь отвисла прямо перед моими глазами. Так себе, штучка на три с плюсом.

Потом она начала много говорить, но я с трудом улавливал слова. Смысл был прост и понятен. Я должен вернуть долг, то есть то, что она из-за меня потеряла.

До тех пор, пока я этого не сделаю, буду жить в этом подвале, причем без пищи.

От меня самого зависит, умереть мне голодной смертью или выполнить ее условия.

– Значит, первое, – сказал я, – для работы мне нужны удобства. Кровать, мебель, туалет, это все понятно. Телевизор, зеркала и книги. Еда тоже обязательна, причем самая лучшая и дорогая. Запиши на мой счет. Услуги врача, это второе. И третье, это конфиденциальность. Все что я делаю, я делаю только в одиночестве, без посторонних глаз и ушей. Никто не имеет права сюда входить без моего требования. Поставишь мне сюда внутренний телефон. Пока все. Мо-

жешь быть свободна.

— Не много ли будет? Может быть, еще залезть тебе в кровать?

— Значит, будем спорить, — сказал я.

Увы, она согласилась на все, кроме еды и врача. Я только и смог выдавить из нее единственный обед, напоследок. И то хорошо. Обед принесли нескоро, как мне показалось, лишь на следующий день, и состоял он из двух копченых куриц, купленных на ближайшем рынке, и грозди винограда. Виноград оказался великолепен.

Куры напоминали хорошо загорелых нудисток.

Много часов я провел в полубессознательном состоянии. Нельзя сказать, чтобы я не мыслил или не контролировал окружающее. Но я позволял как внешнему, так и внутреннему миру свободно проплывать мимо. И где-то там, на грани между внутренним и внешним миром, было еще нечто, уже давно привлекающее меня. Там была дверь, которая могла открыться. Когда-то давно я уже пытался войти в нее.

Однажды, сидя в поезде, я дремал под звуки колес и вдруг, в какое-то мгновение, я услышал музыку. Мне удалось удержаться на грани, не соскочить с нужной частоты, и музыка продолжалась. Я никогда раньше не слышал ни мелодии, ни инструмента. Когда музыка прекратилась, я записал нотами каркас мелодии. Но лишь два года после того случая я узнал, что инструмент, который звучал в моем полусне, был гавайской гитарой.

Сейчас голод и боль сделали меня таким слабым, что я почти не мог передвигаться. Но главной была не физическая слабость, а слабость желаний. Что бы со мною не происходило, мне было все равно. Я ничего не делал, я лишь сидел у стены или лежал на клетчатом диванчике, который мне принесли, и тупо следил за образами, которые сами собой всплывали из глубин мозга.

Эти образы были трех сортов: образы памяти, образы воображения и образы еще чего-то, казавшегося очень реальным. Я увидел картинку: на земле лежит лист железа; я поднимаю его, под ним оказываются муравьи и конфетная бумажка.

Обернувшись, я увидел колонну, сделанную из мутного стекла, сбоку колонна отсвечивала лиловым. Обойдя вокруг, я увидел маленькую фиолетовую лампочку, парящую в пространстве. Это был особый мир, реальность которого не зависела от моих желаний или представлений о реальности. Я протянул руку к лампочке и захотел, чтобы она изменила цвет. И сразу же оказался в своем темном подвале.

Без сомнения, я куда-то вошел, и этому помогла моя физическая слабость.

Астрал, другие измерения, – какая разница, как это называть? Это не было иллюзией или сном. Место обладало, я бы сказал, гиперреальностью. Это как дом твоего детства, куда ты возвращаешься в старости и узнаешь каждый камешек, и каждая царапинка на обоях для тебя полна смысла. Именно

так, но без всякой ностальгии. Я попробовал войти туда еще раз и мне удалось. Для этого нужно было лишь отключить волю и желания: потому что каждое мое желание сразу же выбрасывало меня обратно в подвал.

Нужно было сесть или лечь неподвижно и просто позволить образам проплывать перед глазами, следить за ними, совершенно не вмешиваясь в их движение. Спустя пару минут сквозь черноту начинают проблескивать очень быстрые и короткие вспышки другой реальности – как отдельные кадры киноленты. Наконец, они сливаются в нечто. Но, стоит их чуть подтолкнуть, как они исчезают.

С третьей или четвертой попытки я попал на берег моря. Был ранний вечер, стоял абсолютный штиль. На горизонте виднелся остров. Я приказал себе взлететь и сразу же оказался на огромной высоте, километров двадцать или тридцать. Морской пейзаж подо мной превратился в географическую карту. Я обратил внимание на свое тело – оно было невидимо, неосяземо и не имело инертности. Я мог передвинуть руку или ногу с любой скоростью и на любое расстояние, я мог уменьшиться или увеличиться, – а ведь я, похоже, умер, – вдруг мелькнула мысль и я снова оказался сидящим на полу в подвале.

Если и не умер, то был очень близок к этому. Я уже снова стал погружаться в небытие, но звонок телефона пробудил меня. Телефон стоял здесь же, под рукой.

Это была опять Элиза.

– Как работается?

– Никак.

– А что такое?

– Я слишком слаб и не могу сосредоточиться.

– Можно бы тебя и покормить, но только если ты будешь работать сразу же после еды.

– Обещаю.

– Только попробуй меня обмануть.

Они принесли мне три жареных пирожка и стакан сока. В соке плавало какое-то насекомое. Думаю, что здесь кто-то из охранников проявил личную инициативу. Я выплеснул сок на пол.

После еды мне стало гораздо лучше и я попробовал сотворить заклинание.

Сейчас расскажу вам, как это делается. Это вполне доступно каждому.

Нужно сделать две вещи: во-первых, войти в контакт с Кси, а во-вторых, точно объяснить, чего ты хочешь. Наверное, можно входить в контакт и еще с кем-то или с чем-то, например, с дьяволом, но я никогда не пробовал и вам не советую. Кси не знает добра и зла, эта сила нейтральна, как таблица умножения.

Это меня вполне устраивает.

Для того, чтобы войти в контакт, нужно правильно настроиться. Нужно настроение импровизации, о котором я уже подробно говорил. Это всего лишь дело техники. Даль-

ше идет само заклинание, обязательно вслух, хотя можно и шепотом.

Можно написать на бумаге, но в этом случае останется документальное свидетельство, а это мне не нравится. Простое мысленное желание Кси не воспринимает. Заклинание можно произносить на любом языке, но лучше на своем собственном. Всякие магические формулы, вошедшие в учебники магии, это просто древние заклинания на древних языках. Они очень редко срабатывают потому что мы не знаем их точных значений.

Заклинанием должна быть фраза в будущем времени. Например: «как только догорит спичка, кто-то умрет». Это заклинание очень плохое, потому что плохо выделяет объект. Можно например, так: «Сегодня я встречу NN» – и точно назвать имя человека. Точно, то есть, однозначно. Если вы скажете «Сегодня я встречу Ивана», то это не срабатывает, потому что всяких Иванов на планете водится достаточно. Вы можете встретить одного из них и даже не заметить этого. Хорошо срабатывает, когда вы указываете нужного человека на фотографии. Лучше всего указывать пальцем. Не очень хорошо звучит, когда вы указываете предел времени, часто Кси не успевает или не хочет развернуть события до указанной вами даты.

Лучше не говорить «сегодня», а сказать: «я скоро встречу NN». Вот, собственно, и все. Можете попробовать и у вас получится. Но лучше не пробуйте, если вы не знаете точных

значений слов. Слова заклинания всегда срабатывают в своем прямом, в своем начальном значении. Если вы этого значения не знаете, то ждите больших неприятностей. Прежде, чем успешно творить заклинания, нужно стать лингвистом.

В этот раз я попросил Кси решить ситуацию так, чтобы никто никому не был должен. Разумеется, я назвал точные имена. Конечно, меня подслушивали, поэтому я наворотил целую грудку бессмысленных слов, слов на древних языках и просто выдуманных. Я же не слишком силен в древних языках, чтобы произносить настоящие заклинания по египетски или древнееврейски. Я поочередно кланялся во все углы подвала, воздевал руки к потолку, растопыривал пальцы и прочее в том же духе.

Потом я начертал в воздухе сложный знак, скрестил руки на груди и с выражением тупого упорства стал смотреть на него так, будто бы ждал, что воздух родит мне гомункула. Подобный взгляд я подсмотрел на рекламной фотографии какого-то парацелителя, берущего по пятнадцать долларов за визит. Если за мной наблюдают, то пусть попробуют теперь разгадать мой метод.

Часов через двенадцать мне принесли поесть и я сделал вывод, что дело все же сдвинулось с мертвой точки. Никогда нельзя быть уверенным: порой самые удачные заклинания не срабатывают, а случайно оброненное слово может столкнуть целую лавину событий. Так случилось и на этот раз.

Все последующие дни меня кормили как в хорошем пансионе, но выпускать, похоже, не собирались. Все свое, совершенно пустое, время я занимал экспедициями в новую реальность, открывшуюся мне. Я не хотел потерять найденное. Я хотел разведать как можно больше. Я хотел закрепить-ся на новой территории.

Однажды мне удалось снова попасть на берег моря. Это было именно то побережье, разве что теперь я оказался километра на два левее. Пляж здесь был каменистым и кишел мелкими полупрозрачными крабами, разбегающимися при моем приближении. Я осторожно взлетел и направился к острову.

Осторожно, очень осторожно. Вся суть в слабости желания. Чтобы перемещаться в здешних местах, достаточно пожелать. Но любое нормальное желание выбрасывает тебя сразу в физический мир и ты оказываешься просто глупцом, сидящим с закрытыми глазами у стены. И даже очень слабое желание срабатывает как большой реактивный двигатель, приставленный к игрушечному самолетику. Желания здесь имеют слишком большую мощность.

Я пытался лететь осторожно, но меня бросало то в стратосферу, то к самой воде. Наконец, мне удалось зависнуть недалеко от острова. Вид был великолепен. Это было что

угодно, только не планета Земля. Это было любое время, но только не двадцать первый век. Я был кем угодно, но только не человеком. Это открывало громадные перспективы. На краю острова возвышался замок, несколько необычной архитектуры, но очень похожий на средневековые земные замки. Две из четырех башенок стояли наклонно. Никаких антенн, никаких столбов, никаких дорог. Если здесь есть жители, то они летают по воздуху, как и я. Я сосредоточился на одном из окон верхнего этажа.

Вначале я не понял, что случилось. Замок исчез, море исчезло; я оказался на обширной серой равнине, изборозжденной поперечными полосами. Пейзаж был сюрреален: какие-то жуткие каменные формы, впадины и пики здесь и там и все это полностью противоречит закону гравитации. Небо, в основном голубое, состояло из трех блестящих полос. Метрах в десяти от меня виднелась пропасть. И тут я увидел.

Равнина, на которой я оказался, была просто тысячекратное увеличенной поверхностью камня в кладке замковой стены, а я уменьшился до размера пылинки. Нацеливаясь в окно замка, я промахнулся всего на несколько миллиметров. Вот так получилось. Мое желание предельно прижало меня к камню и сразу же сплющило, чтобы прижать еще больше. Но со второй попытки мне удалось передвинуться более или менее плавно. Я снова увеличился и влетел в окно.

Большинство вещей, которые я видел здесь, были неожиданны. Я не думал, что увижу замок, окна, крабов и прочее.

Когда я захотел проникнуть внутрь, я предполагал увидеть тяжелые столы, старинные вазы и металлические доспехи.

Возможно, людей. Возможно, чудовищ. Все, что угодно, но не то, что увидел на самом деле.

Комната была просто полна пыльного старого хлама. В основном дерево, хотя попадаетесь и битое стекло. Ничего интересного, кроме двери. Та самая дверь.

Эту дверь я тысячи раз видел в своих снах; эта дверь была знакома мне с самого детства. Толстые деревянные брусья, а по краям она окована мягко блестящей медью. Медные гвоздики, отполированные неизвестно кем. Никаких следов лака или краски. Ни одной пылинки – будто ее протерли специально к моему появлению. Я просто захотел и дверь открылась.

Весь средневековый антураж мгновенно исчез.

Я оказался в большом зале. Без сомнения, это был гимнастический зал. Почти не освещенный. С правой стороны от меня шел ряд широких окон, заложенных снаружи кирпичом. Как ни странно, эти окна все же пропускали немного света, необычного голубоватого света, слегка напоминающего лунный. Потолок был слишком низким, метра три, не выше, и это было единственным, что делало помещение непохожим на настоящий старый заброшенный гимнастический зал. Справа вдоль стены шла длинная низкая деревянная скамья. Все это: и стены, и потолок, и пол, и скамья, было покрашено многими слоями голубой масляной краски

— очень многими слоями — это я определил на ощупь. Вы знаете, как голубая масляная краска выглядит при лунном свете? — она скользко блестит; она была на всем и во всем. Кое-где мусор и обрывки старых газет. Газеты слегка шевелились и шелестели, хотя я не чувствовал сквозняка. Длина зала метров двадцать и дальний конец лишь угадывается, теряясь во тьме. Я знаю что там ничего нет, кроме прямоугольной стены. Главное не там.

За моей спиной маленькая комната, величиной с кабинку лифта. Она освещена электрической лампочкой и желто-оранжевый свет просачивается через окошко и бросает мою длинную тень на пол. Четко видны ноги, а дальний конец тени теряется во тьме. Это освещение позволяет увидеть дощатый рельеф пола. Справа от меня вход в душевую. Главное там.

Это старая душевая, точнее, это бывшая душевая, потому все трубы там вырваны и из стен торчат почти изржавевшие крючки, на которых они раньше держались. Все выложено плиткой, белой и в потоках ржавчины, а на полу коричневой. Кое-где ржавые лужи. Несколько голых электролампочек под потолком.

Лампочки выглядят очень старыми, но пока светят. В дальней стене душевой — черный пролом, из которого исходит страх. Пролом сделан с той стороны и обломки стены вывалились внутрь помещения. Черная нора уходит вдаль и вниз. Из этой норы временами выползает Нечто. Я знаю

это. Я определенно знаю это. Нечто напоминает безглазую змею или чешуйчатого червя, метров пятнадцать или двадцать длиной. К счастью, оно не любит выползать, когда горит свет. Но стоит лампочкам потухнуть...

Я подошел к пролому. Это нора, это его нора. Я не хочу с ним встретиться, но я обязан войти. Сейчас или никогда. Я взялся обеими руками за острые края плитки, нагнул голову и перенес ногу в темноту. И тут меня схватили за руки.

Меня схватили за руки, подняли и посадили на кушетку. В подвале горел свет.

– А я думала, ты помер, – сказала Элиза.

– А я думала, что ты помер. И часто с тобой такие припадки?

– Это не припадки, это работа, – ответил я.

В первое мгновение мир, куда я вернулся, показался мне чужим. В нем все еще оставалась некая едва уловимая странность, растворенная в вещах, позах, в звуках голосов. И все же, здесь ничего не изменилось.

– Ничего себе, работа. У тебя был пульс тридцать семь.

– Я выходил в астрал.

Почему я сказал «астрал»? Я ведь даже приблизительно не знаю, чем это могло быть. Просто в детстве я прочел глупую книжку об астральных странствиях и некоторое время мечтал повторить эти странствия сам. Стыдно даже вспомнить какие вещи казались нам хорошими, когда нам было пять, семь или десять лет. Какие песенки и стишки казались нам верхом крутизны и какие книжки – вершиной интересности. Но кто сказал что мы не ошибаемся точно так же в тридцать, сорок, или семьдесят лет? Может быть наши вкусы всегда точно так же смешны с точки зрения истины?

– И как там, в астрале?

– Темновато. И там дверь, через которую можно попасть куда угодно.

– Куда угодно, это куда? На Луну, например? – спросила

она.

– Гораздо дальше.

– Отлично. Я тоже хочу такую дверь.

– Она охраняется. Нужно пройти сквозь нору, в которой что-то живет.

– Что-то или кто-то?

– Среднее между тем и другим. Оно не имеет глаз, но чувствует вибрацию.

Съесть тебя оно не может, но может задушить и всосать.

– Спасибочки, не надо. Как это называется, астрал?

– Может быть.

– Ну тогда сам там и сиди. В свое свободное время. Теперь вернемся к делам земным. Вот деньги. Пересчитай.

Она передала мне довольно пухлый кошелек.

– Десять процентов, как положено. Я вычла стоимость твоего содержания, стоимость оборудования подвала плюс за моральный ущерб. Плюс оплату моих трудов. Получилось пять пятьсот.

– Слишком много за ущерб.

– А... – потянула она, – я ведь не простая женщина, меня нельзя обижать.

Так что беру по-божески. Теперь можешь проваливать. Хоть сейчас.

– Вернула долг?

– Не считай меня за дурочку.

– Я ничего не знаю, – признался я. – Я сделал лишь об-

щее заклинание на отмену долга. Детали могли быть какими угодно.

– Какими угодно?!!

И она рассказала мне историю, от которой меня бросило в холод.

Однажды вечером ее кредитор выходил из ресторана. Он был с сыном, мальчиком девятнадцати лет. Оба чуть выпили, самую малость. Автомобиль был припаркован на противоположной стороне улицы. Как только кредитор сошел с тротуара, из-за поворота вылетела машина и сбила насмерть – но не его, а сына. Машина остановилась и водитель вышел. Кредитор набросился на водителя, повалил его на асфальт и стал бить ногами. Но из машины вышли еще двое. Все они были слегка пьяны. В результате завязалась жестокая драка. Кредитора забили насмерть, а трое виновников получили телесные повреждения средней тяжести. Теперь просто некому отдавать долг.

– И я здесь не при чем, – сказала она. – Вали отсюда.

– Осталось последнее, – возразил я. – Дай мне ручку, бумагу и конверт.

– Это обязательно?

– Хуже. Это дело жизни и смерти.

Она распорядилась по телефону. Пока искали конверт, мы успели поговорить о жизни и выпить кофе, от которого я совсем отвык. Потом я написал несколько слов, вложил листок в конверт и протянул Элизе.

– Ты убедилась в моей силе? – спросил я.

– Да, – протянула она выжидательно.

– Вполне?

– Вполне, вполне. Что дальше?

– Дальше все очень просто. Пять пятьсот, конечно, небольшие деньги. Из-за них не убивают. Но ты меня не предупреждала, не страшила, не заставляла поклясться, что я никому не расскажу – или как там у вас делается? А ведь если я расскажу кому-нибудь обо всем, расскажу, почему машина сбила мальчика, расскажу, кто это все затеял, то тебе не жить. Даже если я сам не захочу рассказывать, меня могут найти или я могу проговориться, случайно похвастаться не тому человеку. Ты не можешь меня отпустить. Ты и не соби-
ралась меня отпускать.

Она оказалась сообразительна. Она думала всего пару секунд. Затем медленно вынула листок из конверта, продолжая смотреть мне прямо в глаза. Опустила глаза. Прочла.

– Что значит: «закливание абсолютной силы»? – спросила в полголоса, деловым тоном.

– Такое, которое будет работать и после смерти заклинателя, то есть, после моей.

– Ага. Но я не поняла последнюю строчку. Можно попроще?

– Проще говоря, ты умрешь, если причинишь мне зло. Умрешь, даже если меня не будет, даже если ты сожжешь этот листок, даже если тебя будут охранять сто человек. Ты

просто подавишься рыбной костью или смертельно заболеешь. Или утонешь в пруду, например.

– Только не в пруду, – сказала она, – я один раз тонула в детстве, больше не хочу.

– Ничего не могу поделать. Теперь тебе придется...

– Листок остается мне? – перебила она.

– А как же иначе.

Все это время я предполагал, что меня держали в подвале уже знакомого мне дома. Оказалось иначе. Меня вывели на веранду, накалившую солнцем. Дом стоял в лесу, по крайней мере, лес виднелся с трех сторон. Прямо передо мной была заброшенная спортивная площадка, а дальше стояли три маленьких домика, похоже, подсобные помещения. У самого дома газон с молодыми синеватыми елями, а между елями семейка настоящих красных мухоморов.

– Я думаю, что мы будем дружить, – сказала Элиза, протянула руку и довольно мило улыбнулась. – Мой человек отвезет тебя домой.

– Это ухищрение дизайнера или сами выросли? – я показал на мухоморы.

– Сами. Лес кругом.

Она как-то вся сразу съежилась, отвечая.

– Что такое?

– Мигрень.

– Вылечить?

– Не надо.

На выезде из владений я еще раз увидел мухоморы. Несколько мелких грибков поднимались прямо на газоне, среди культурной голландской травы. Так иногда бывает, когда хозяйка часто чистит шампиньоны и выплескивает у до-

ма воду, полную грибных спор. Но мухоморы ведь не шампиньоны, их никто не станет чистить. Но я не стал ломать себе голову этим.

Мне было о чем задуматься. История, рассказанная Элизой, действительно была страшна: я оказался причиной гибели двух, совершенно незнакомых мне, человек.

Пусть никакой суд не сможет доказать мою причастность, но я знаю, что виновен.

Ничего подобного не случалось со мной за все годы работы. Бывали проколы, бывали и несчастные случаи, но смерть – никогда. Даже если они были преступниками и стократными негодяями, они не заслужили свою судьбу. Впервые за пять последних лет я чувствовал, что та сила, которую я уверенно держу за загривок, начинает огрызаться, скалит клыки и вот-вот вырвется из моих рук. Что-то нужно было предпринимать, срочно предпринимать. Но я не знал, что мне делать.

Как можно оценить, как можно понять боль человека, который внезапно теряет сына? Что такое боль? Объективна или субъективна боль? С одной стороны, то, что мы называем болью, всего лишь микроскопическое перемещение электронов по тоненьким нервам, меньшее, чем дает батарейка от фонарика. А с другой стороны, боль может быть настолько объективна, что заслоняет собой любой материальный предмет, она может быть более объективна, чем стол или окно. Она заслоняет солнце, она больше галактик и даже гибель

целых народов может быть пустяком по сравнению с ней. Поэтому боль может показаться жестокой изнутри и совершенно нейтральной снаружи, например, с точки зрения создателя, если таковой существовал.

Шопенгауэр как-то заметил, что, чем выше организовано существо, чем оно совершеннее, тем сильнее оно ощущает боль. В том числе и чужую, – добавлю от себя. Поэтому бога никогда не было, ибо предельно совершенное существо было бы наделено громадной способностью ощущать чужую боль и просто не смогло бы разлить те океаны боли, в которых невесомыми стайками проплывают человеческие жизни.

А теперь попробуем противоположный тезис. Боль – это средство директивного и безальтернативного руководства поведением извне. Это обстоятельство прекрасно используют диктаторы, силовые структуры и всякая уголовная сволочь. Чем выше организовано существо, тем большую свободу воли оно имеет и, следовательно, тем большая сила боли нужна, чтобы принудить это существо к какому-либо поведению.

Поэтому свободная личность гораздо чувствительнее к боли, чем громкоорущий алкоголик, и знает гораздо больше оттенков боли. Но бог – это единственное существо, которое не нуждается в директивном управлении извне. Поэтому бог вообще не ощущает боли (ему не нужна боль даже в качестве сигнала о неблагополучии в организме, потому что такого неблагополучия не может случиться)

Бог может знать о ней, но ощущать ее не может. С его точки зрения боль — это весьма полезный электрический ток. Поэтому он и включает этот ток при первой же возможности. Но почему я думаю о боге? При чем здесь бог? Он наверняка ведь не приложил руку к тому, что случилось.

Мы ехали довольно долго, я философствовал, блуждая и блуждал, философствуя, стараясь отвлечь себя от единственной мысли, гвоздем вбитой в мозг. Кроме этого, я запоминал дорогу. Кто знает, может быть, еще придется возвращаться.

Я отсутствовал около семи дней. Дома ничего не изменилось, только стало больше порядка. Полы оказались вымыты, посуда стояла аккуратной стопкой, засыхавшие растения на подоконнике теперь зеленели.

– Как я веду хозяйство? – спросил Бецкой.

– Волшебно. Впервые встречаю мужчину с таким талантом.

– Честно говоря, здесь побывала женщина, и даже не одна, – сказал он. – Или вас это шокирует?

– Ничуть. Люди имеют действительно уникальную в нашем мире возможность дарить друг другу и себе самим неограниченное никакими естественными пределами и, к тому же бесплатное, счастье. Или хотя бы удовольствие. Но они обычно делают это в пошлой, извращенной, или скомканной форме – или не делают вообще.

– Совершенно с вами согласен. Чем больше женщин, тем лучше. Хотя естественный предел все же ограничивает... Да, я не хотел уходить, не дождавшись хозяина.

– Это очень любезно.

– Дело не в любезности. Но, для начала, как ваши дела?

– Отлично, – ответил я.

– Вас сильно били?

– А разве заметно?

– Заметно.

– Зато заработал полный карман денег. Любишь кататься, люби и силу трения.

Издержки производства.

– А как насчет второго кармана? – спросил он. – Не хотите ли наполнить и его? Причем без всякого мордобоя?

– Если это деловое предложение, то я слушаю.

– У меня есть заказ, – сказал Бецкой, – причем очень сложный заказ, почти безнадежный. Я должен уничтожить две небольших фабрики. Пока это лишь экспериментальные фабрики, но они уже мешают многим большим людям.

– Или большим негодьям? – уточнил я.

– Это одно и то же. В большинстве случаев.

– А какое производство?

– Да уж не детские велосипеды.

– Оружие? – предположил я.

– Оружие люди покупают, а не делают.

– Тогда наркотики?

– Нечто в этом роде.

– Не понимаю. Как может быть «нечто в этом роде»?

– Какое самое приятное ощущение вы знаете? – спросил он.

– Что-нибудь из области любви или секса?

– Нет. Самые приятные ощущения испытывает человек, умирающий от жажды, когда ему позволяют выпить стакан воды. Ничего лучше на земле нет и не будет.

Второе по силе приятное ощущение получает человек с некоторыми кожными болезнями, когда он расчесывает свои струпья. Особенно, если он расчесывает их после долгого перерыва. На третьем месте стоят традиционные наркотики. И лишь на четвертом его величество Секс. Так вот к чему я веду. Можно создать кожный наркотик. Человек сыплет порошок на кожу, ждет пару минут, а потом расчесывает присыпанное место. При этом он воеет от восторга, воеет как зверь, катается по полу и грызет ножки стульев от наслаждения. Что-то в таком роде. Подобную силу удовольствия не дает ни любовь, ни наркотик. Кстати, и любовь и наркотики воздействуют на одни и те же центры в мозгу.

– Вы медик?

– Заканчивал училище, как ни странно.

– Тогда появятся кожные наркоманы? – сказал я.

– Они все равно появятся. Они будут расчесывать себя до голого мяса. Их будут принудительно лечить, садить в тюрьмы и так далее. Но, если уничтожить фабрику сейчас, все это случится позже.

– Я только за. Но вы говорили о двух фабриках.

– Удивительно, – сказал Бецкой, – удивительно, что никто раньше не додумался до этого. Вы когда-нибудь брали в руки мухомор?

– Нет. Он ведь очень ядовит?

– Условно ядовит. Большинство мухоморов съедобны. А императорский мухомор считается вкуснейшим съедобным

грибом на свете. Но он у нас не растет. В наших лесах растут обычные красные мухоморы.

– Они тоже съедобны?

– Они ядовиты, но не смертельно. Они дают чувство опьянения, которое на сто процентов совпадает с опьянением от водки. Вместо водки можно пить отвар из мухоморов. Не будет разницы.

– Тогда почему...

– Не знаю. Наверно, легче сходить в магазин, чем в лес. Но вполне можно наладить производство безалкогольной мухоморной водки. Такая водка может быть даже сухой: если жевать сухие мухоморы или даже мухоморную муку, то результат тот же самый. Можно даже пирожки печь из такой муки, если придумать технологию.

Но более того: в Сибири есть вариант нашего красного мухомора, который вместо опьянения дает сильное эйфорическое состояние. Точно также, как и наркотик. По виду этот мухомор совсем не отличается от нашего, обычного. Его можно завезти в наши края и выращивать как вешенку. Это будет в тысячу раз дешевле маковой соломки.

– Но вам нужно найти две фабрики, – сказал я. – Это двойная работа.

– Обе будут рядом. Они принадлежат одной и той же фирме, потому что оба изобретения сделал один и тот же человек. Он же и полностью разработал технологию.

– Тогда он гений.

– Да.

– А если он гений, то сделает еще и другие открытия, – предположил я. – Его нужно обезвредить.

– А вот это не мое дело, – сказал Бецкой. – Я делаю только то, за что мне платят. Но думаю, что его захотят не обезвредить, а перетянуть на свою сторону.

– Тогда сформулируйте вашу проблему. Как можно точнее.

– Найти фабрику. Хотя бы одну из них. С остальным я справлюсь. Я слышал, что экстрасенсы могут найти исчезнувшего человека, просто посмотрев на карту.

Сделайте что-то вроде этого.

– Но я не даю полной гарантии.

– Никто не дает полной гарантии, даже палач.

Я порылся в шкафу и нашел карту области. Конечно, как только речь зашла о мухоморах, я сразу вспомнил дом в лесу и изобильные грибочки вокруг него. Они не могли так распространиться сами. Значит кто-то возился с ними. Пусть даже фабрика была не там, но там была зацепка.

Я разложил карту на полу, потому что для стола она была слишком обширна, и начал искать. Я вспоминал и проверял по карте все повороты дороги. Да, вот он.

Это может быть только этот лес. Масштаб: в одном сантиметре триста метров. Тогда лес будет километра четыре в поперечнике. Дом был у самого края, у южного края леса, судя по солнцу. Вот здесь.

– Вот здесь, – сказал я. – Вот здесь это место, тут карта слегка протерлась, но я обозначу карандашом.

– Не надо!

– Почему?

– Останется вещественное доказательство. Если бы вы отметили это место карандашом, карту пришлось бы сжечь. Позвольте, я сориентируюсь. Там есть дорога?

– Дорога подходит прямо к дому. Дом и все владение ограждены столбиками с тонкой проволоочной решеткой.

– Видеокамеры?

– Кажется нет. Хотя возможно, на угловых столбах. Дом двухэтажный, большие подвалы, металлическая блестящая крыша.

– Но... – удивился он, – но откуда вы все это знаете? Неужели просто по карте?

– Профессиональный секрет.

Оставшись один, я сразу занялся делом. Мне не терпелось исследовать новые пространства. Я просто не мог устоять на месте от нетерпения. Я чувствовал себя как ребенок, которому купили билет на любимый мультфильм – этакое щекочущее чувство восторга. Вначале я поспешил: просто задернул шторы и лег на диван, но шторы были слишком прозрачны, а диван слишком скрипуч. Мне еще предстояло подготовить и правильно обустроить комнату для переходов в новую реальность. Я решил назвать то место нулевым миром – он находится где-то между тем миром и этим, между миром-плюс и миром-минус. Как первооткрыватель, я имею право дать имя новой земле.

Наверняка многие люди уже побывали там до меня, во снах, во время спиритических сеансов, в пограничных состояниях сознания, но пока еще, насколько я знаю, никто настоящему не застолбил территорию. В Америку тоже заплывали и до Колумба, а первооткрывателем все же считается он.

Комнату для переходов я стал оборудовать в спальне. Я повесил два тонких одеяла поверх портьер, а на полу разложил поролоновый коврик. В перспективе я собирался сделать шумопоглощающую обивку на стенах и какую-нибудь приличную страховку. Например, можно перед погружением

надевать на палец пульсометр и подключать его к компьютеру. Пульсометр у меня был, только батарейки давно сели, а с компьютером разберемся. Как только пульс станет критическим, будет включаться резкий звонок, тряска или что-то вроде этого: любое внешнее воздействие, которое вытащит меня наружу, в мир-плюс. А эта штука уже проверена: когда меня сильно трясут за плечи, я просыпаюсь. В принципе, выйти оттуда так же просто и так же сложно, как из очень глубокого сна. Трудно без посторонней помощи и легко с нею. Но все это мне только предстоит сделать и продумать в деталях.

Пока что я собирался в путешествие без страховки. Конечно, это было опасно, но меня слишком тянуло туда. Если в прошлый раз пульс упал до тридцати семи, то что случится сейчас, когда я уйду дальше? «Это безумие, остановись!» — совершенно отчетливо сказал я сам себе, но не остановился. Наверное, так себя чувствовали те инженеры, которые впервые создали атомную бомбу; они не могли не испытать ее, даже если бы это испытание угрожало их собственным жизням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.